

Морф

Автор:

Анна Клименко

Морф

Анна Клименко

Что может объединить юную волшебницу, охотника и лекаря-клятвопреступника? Почему стало беспокойным кладбище города Талья, а милая старушка оказалась вестником беды? Почему некромантов много, а самых лучших зомби изготавливает только один из них? Ответы на вопросы, несомненно, существуют. Осталось лишь приподнять полог тайны и заглянуть... в прошлое, где промозглой ночью к человеку, сидящему у костра, подошел эльф...

Анна Клименко

Морф

Пролог

...- Мы пришли. Потерпи, осталось совсем немного. Жрецы не смогут мне отказать, и все будет как раньше.

Эльф задержался ненадолго перед аркой главных ворот города. Она была такой белой, что само существование столь совершенной сверкающей чистоты казалось невозможным. Барельефы, повествующие о жизни Милосердной Миенель-Далли среди эльфов, покрывали арку наполовину, верхняя часть

оставалась зеркально-гладкой, так что проходящий сквозь врата мог поднять голову и увидеть собственное тусклое отражение.

Эльф поднял голову и посмотрел на себя, грязное пятно среди ровной и светлой дороги. Затем, быстро пробормотав молитву богине Великого леса, поправил широкий ремень, перехлестнувший грудь наискосок. Вдохнул глубоко и двинулся вперед, сквозь врата. Свободные концы ремня были привязаны к грубо отесанным еловым веткам, а те, в свою очередь, служили основой волокуш, на которых лежал мертвец.

Даже после жизни он был прекрасен как фарфоровая кукла, шедевр талантливого мастера: высокий чистый лоб, брови цвета старого золота, словно в удивлении приподнятые, тонкий нос, подбородок самых благородных очертаний. Шея умершего и свернутый плащ под головой были покрыты черными липкими сгустками, от добротной туники – а заодно и от тонкой кольчуги – остались клочья, пропитанные грязью и застывшей зеленой слизью. Под связанными на груди руками покоился узкий меч.

– Потерпи, будь любезен, – бормотал эльф, налегая на ремень, – недолго уже осталось. Ты вернешься, обязательно вернешься. Мой друг, мой брат... Мой союзник.

Сам он выглядел ничуть не лучше своей поклажи с той лишь разницей, что еще был способен дышать. Кое-как прилаженная на ребра повязка заскорузла от крови, левая рука болталась плетью вдоль туловища, запястье распухло, посинело. Перед глазами эльфа плыло и двоилось, и он уже с трудом переставлял ноги... но знал, что должен, просто обязан дойти до Крипты, потому что там жрецы, и там – сама жизнь, данная Миенель-Далли.

Дорога, вымощенная магнезитовыми плитами, величаво огибала дома, такие же белые, как и главные ворота, небольшие водоемы, зажатые в кружевных воротниках из мрамора, и пышные цветники. Навстречу выходили эльфы, но едва завидев печальный груз сородича, безмолвно скрывались из виду: они ничем не могли помочь, а раз не можешь помочь – к чему беречь свежую рану потери?

Эльф, задыхаясь, продолжал тащить тело. Вскоре дома исчезли, дорога стала прямой как выпущенная из лука стрела и, наконец, в тени гигантской секвойи

замаячила цель путешествия – огромное белое яйцо, у которого сбоку проломили скорлупу.

Он остановился, когда перед ним из воздуха соткался жрец Крипты. Тонкая и высокая фигура в белом, точеный подбородок надменно поднят, а лица не видно из-под капюшона. Конечно же, здесь дело не обошлось без магии, потому что белый цвет никогда не дает – просто не может давать – столь густой тени.

– Верховный жрец Крипты приказал передать тебе, охотник, что твоя жертва была бесполезной. Крипта не вернет к жизни твоего друга.

– Что?.. – сил нашлось только на едва слышный сиплый шепот, – я не... верю. Позволь мне пройти.

– Нет смысла идти дальше, – мягко сказал жрец. Так терпеливая мать разговаривает с больным, а оттого капризным ребенком.

– Крипта всемогуща, – эльф поправил ремень, – я верю в ее силу, а теперь позволь мне пойти, жрец, или я...

– Ты не посмеешь поднять на меня руку, охотник. И я повторю тебе еще раз: нет смысла идти дальше. Таковы слова верховного жреца.

Пресветлая богиня, как же он устал! Ноги налились тяжестью, как будто сапоги были отлиты из свинца, легкие жгло, наспех обработанную рану тянуло и саднило. Эльф скрипнул зубами и дернул из ножен меч. Движение получилось раздражающе медленным и неуклюжим, и если верховный призовет свою охрану, то от него, измотанного долгой дорогой, не останется и мокрого места. Но за спиной, на волокушах, по-прежнему покоился союзник, а впереди сияющим пятном маячила Крипта, которая могла вернуть мертвое тело к жизни.

– Вероятно, боль затмила твой разум, – озадаченно пробормотал жрец, пятясь, – я доложу верховному о твоем непослушании, охотник.

– С дороги... Ну, живо!

Жрец сделал едва уловимое движение руками и рассыпался на дороге пригоршней сверкающих искр. Не оставалось сомнений в том, что он отправился к верховному доносить на непокорного и невменяемого эльфа.

– Ну, Хаэлли, ты просто превзошел самого себя, – выдохнул эльф и сплюнул горькую слюну.

Ему, то есть им, оставалось совсем чуть-чуть. Белоснежное яйцо святыни источало жемчужное сияние, звало и манило. Он не хотел думать о том, что только верховный жрец может провести ритуал воскрешения. Четыре дня назад он поставил себе цель – дотащить погибшего Фиальвана до Крипты.

Шаг, еще шаг. Перед взором разливается самый настоящий пожар, слепяще-белое пламя могло бы выжечь глаза, но лишь томно ласкает кожу. Хаэлли чувствует жаркие касания там, где кровавой коркой взялась повязка на боку, кожу тянет и приятно покалывает, рана закрывается, но сил от этого больше не становится – наоборот, они утекают так стремительно, что колени предательски подгибаются, и он падает, так и не дойдя до Крипты.

... – Хаэлли, – мягкая, никогда не знавшая оружия ладонь легла на затылок, – ты не должен подходить к Крипте вот так, только потому, что тебе этого хочется. Никто не должен.

Он глубоко вдохнул, приподнялся на руках и обернулся. Над ним возвышалась фигура верховного жреца. Это был седой старец, закутанный в белый шелк. А еще он, в отличие от жрецов рангом ниже, никогда не прятал лица. В этом просто не было необходимости: черты эльфа застыли бледной неподвижной маской, едва тронутой морщинами. Ни эмоций, ни чувств не отражалось на этом загадочном лице, и точно также глаза казались парой прозрачных хризолитов. Бездонные в прозрачной глубине и... пустые.

– Помогите ему, – выдохнул Хаэлли, – позвольте Крипте вернуть его к жизни, он ушел слишком рано. Его время еще не настало.

– Но это невозможно, – старик пожал плечами, – ты зря проделал весь этот путь, охотник.

– Почему... невозможно? – Хаэлли похолодел от внезапного предчувствия. Где-то он ошибся. Что-то сделал неправильно.

Верховный жрец протянул ему руку, он ухватился за тонкие пальцы, похожие на полированные деревяшки, кое-как поднялся. Кружилась голова, но боль ушла: тело исполнилось странной легкости и отказывалось повиноваться разуму. Более всего на свете Хаэлли мечтал лечь, закрыть глаза и заснуть. Если бы только не тело друга...

– Я объясню тебе, дитя, – мягко прошелестел верховный, – Крипта может вернуть жизнь в тело, которое еще не претерпело необратимых изменений. Воин, дух которого скоро вернется под своды Крипты, уже не сможет ожить. Я чувствую, что череп его проломлен, а мозг отсутствует.

– Морро, – неожиданно для самого себя жалобно сказал Хаэлли, – это был морро. Фиальван отошел в сторону, и морро убил его, а я... я не успел.

– И именно поэтому ты сделал то, что сделал, – подытожил старец, – это поступок, достойный похвалы, но совершенно бесполезный. Мы ничем не можем помочь твоему союзнику, потому что его тело повреждено. Крипта могла бы вернуть его к жизни, останься на месте мозг.

– Я найду тварь и убью, – прошептал Хаэлли, – сколько бы времени это не заняло.

– Ты слишком устал, чтобы рассуждать здраво.

Охотник поднял взгляд на верховного жреца. Бледный лик древнего эльфа оставался недвижим, так что Хаэлли действительно засомневался – а не маску ли носит верховный хранитель Крипты?

– Клянусь именем Миенель-Далли, я пойду за морро и уничтожу его.

– Ты видел его?

– Нет, – Хаэлли вдруг почувствовал, как под ногами разверзлась бездна. Только тот, кто однажды встретился с проклятой тварью, встретится с ней второй раз. Он же – вот беда! – не видел морро. Все, что ему осталось – это слабый

астральный след и бездыханное тело Фиальвана. Но он успел дать клятву, что найдет морро и уничтожит, чего бы это не стоило. Следовательно, Хаэлли предстояло бродить по лесам до тех пор, пока не встретится кто-нибудь еще, чья судьба уже ощутила тлетворное дыхание воплощенного зла.

- Ты ранен, - задумчиво проговорил верховный жрец.

- Крипта исцелит мои раны, если ты меня к нейпустишь.

Ничего не изменилось в лице старика. Глаза по-прежнему казались парой холодных и давно уже неживых драгоценных камней.

- Это не имеет смысла, охотник.

- Почему?

- Ты сам знаешь, почему, - голос жреца был прохладен как первый иней на ветвях.

- Я... - Хаэлли упрямо мотнул головой, - я верю... что Фиальван позволит мне выполнить задуманное.

- Твой союзник, безусловно, позволил бы. Но не ритуал.

- Позволь мне подойти к Крипте, - прошептал Хаэлли.

Он уже понял, к чему клонит верховный, но все еще не хотел - не смел - сдаваться. Стоит сделать хотя бы крошечный шаг назад и - все. Ничего больше не останется - ни Великого леса, ни Крипты, ни Дома Охоты... Только безбрежный и вечный покой.

Старик в белом едва заметно качнул головой, что-то дрогнуло в его лице.

- Я вижу, ты все решил, да? Иди, Крипта ждет тебя, раны твои закроются... Надолго ли?

Обогнув верховного, Хаэлли подошел к телу Фиальвана и опустился рядом с ним на колени. Положил ладонь на холодный чистый лоб мертвого эльфа и долго смотрел ему в лицо, пока каждая черточка не отпечаталась ясно в памяти.

- Прощай, брат. Видит Миенель-Далли, я надеялся до последнего.

Потом он медленно поднялся и, переступив через ненужный теперь ремень, двинулся к белому куполу Крипты. Вокруг разливалось сияние, и Хаэлли почувствовал, как растворяются в нем боль и усталость. Ему стало легко, он протянул руки к безупречно-гладким стенам. Крипта ждала его, чуть приподняв кисейный полог вечного покоя.

Глава 1. Прощай, интернат!

Случаются дни, когда жизнь переворачивается с ног на голову.

Они имеют обыкновение притворяться днями ничем не примечательными, порой солнечными, а порой дождливыми. Они изо всех сил пытаются выглядеть как сотни предшественников: все тот же кофе из желудей в столовой, тот же картонный вкус котлеты, которую приходится есть только с помощью ножа, потому что по твердости своей она сравнима с подошвой. Те же мрачные стены, мирный вид на кладбище из окна комнаты, тихое потрескивание светильников, тугая подушечка с иглами... Но предчувствие не обманешь. И вот уже взгляд заполошно мечется по коридору, сердце заходится в груди, воздух становится вязким и горьким как еловая смола. А пару часов спустя ты очень четко осознаешь, что жизнь дала трещину и разлетелась сотнями осколков как чашка, упавшая на каменный пол. Осколки впиваются в тело и ранят душу, а рядом... как обычно, нет никого, кто бы утешил и дал надежду.

Меня зовут Ирбис Валле. Я возвращалась с факультатива по фехтованию.

Дурацкое имя для девочки, но у магов холода все не как у людей. Мне рассказывали, что как только моей драгоценной матушке показали младенца,

она отчего-то разревелась в три ручья и соизволила назвать меня именно так. Ирбис. Есть такой хищный зверь, говорят, красивый, но мне не нравится мое совершенно не женское имя, и когда приходится представляться новому преподавателю, я называюсь Ирби. Получается более женственно и кокетливо, что ли. Ирби Валле из клана магов холода. Ха!

Вообще-то матушка как в воду смотрела, называя меня Ирбис. В двадцать лет моя фигура мало чем отличается от фигуры мальчишки-подростка, а регулярные посещения факультативов для боевых магов великолепно развивают мускулатуру. И стрижка у меня короткая, терпеть не могу длинные волосы, хотя это, пожалуй, единственное, чем Хайо меня не обделил. Густые, тяжелые, иссиня-черные. У отпрысков клана Холода всегда так, волосы либо платиновые, либо черные, кожа бледная и чересчур чувствительная к солнцу, цвет глаз варьируется от василькового до светло-серого. У меня – просто голубые.

Но мое худосочное тело – это еще не беда, когда за тобой весь клан из благословенной долины Вагау.

Настоящая беда в том, что я – этакий уродец, венчающий генеалогическое древо нашей правильной семьи. Где-то в небесных сферах случился конфуз, и у магов холода родилась девочка, чей дар поверг в шок всю родню. Я – самый что ни на есть вышивальщик, существо почти бесполезное и никчемное. Моя магия – запечатлеть заклинание в вышитом узоре, но даже не это самое обидное. Вышивальщик не может использовать изготовленные им же талисманы и обереги. Другие маги – за милую душу, люди – тоже, если постараться. Нося на шее вышитый мною талисман, маг огня может наколдовать ледяную стену, маг воды – огненный вихрь. А для меня все заканчивается на воплощении магии в вышивке. Я даже не могу создать гигантскую сосульку и двинуть ей обидчика по физиономии...

И поэтому я начала ходить на занятия к боевым магам, чья магия – в виртуозном искусстве боя, рукопашного ли, на мечах ли. Умение сражаться всегда дает чуть больше уверенности в собственных силах, чем просто умение вышивать. На фоне боевых магов я выгляжу жалко, но получаемые синяки и царапины позволяют питать надежду на то, что я хотя бы смогу постоять за себя, если это понадобится.

...Я возвращалась с очередной тренировки. Недавно перевалило за полдень, духота стояла страшная. Небо затянуло серым маревом – этакий намек на

дождик, который, прежде чем порадовать учеников, будет собираться еще неделю. Блузка противно липла к спине, свежая ссадина на предплечье напоминала о себе едкой, противной болью. Я мечтала о холодной душе и – совсем чуть-чуть – о мороженом с фруктами. Но последнее на территорию интерната не привозили, а рацион столовой исключал все, что попадало под определение «вкусное».

Говорят, что в семье не без урода. А быть тем самым уродом – плохо. На тебя смотрят полупрезрительно-полусочувственно, тебя отправляют в школу-интернат за три дня пути от дома и периодически забывают оплатить обучение. Тебе не присылают денег на карманные расходы, тебя, по сути, вычеркивают из жизни клана. А как еще могут поступить маги холода, когда у них рождается вышивальщик?

Я брела с тренировочного полигона в жилое крыло интерната, пинала мелкие камешки, попадающиеся на дороге, и мечтала о холодной душе – исключительно, чтобы не думать ни о чем другом. Приземистое здание интерната казалось большой уродливой черепахой, печально опустившей к земле бородавчатую голову. Пот стекал по спине и впитывался в холстяные штаны где-то чуть ниже талии. Мерзкий денек, и дождя, судя по всему, не предвидится...

Когда я входила в холл жилого корпуса, внезапно закружилась голова. Не иначе как от голода, но этим утром повариха превзошла саму себя, наварив котел овсянки на воде и забыв ее даже посолить. Я на несколько минут прислонилась к стене – невероятно приятное ощущение, разгоряченное тело к холодным камням – затем медленно потащилась дальше.

Моя комната располагалась в самом конце коридора, напротив душевой и, соответственно, отхожего места. Наверное, для любого интерната является негласным правилом гадких утят и хронических неудачников селить именно в такие места. Я была гадким утенком. Как моей соседкой оказалась Рина, непонятно. Она, в отличие от меня, уродилась вышивальщицей в клане вышивальщиков.

Уже на пороге комнаты я опять почувствовала легкое головокружение. Может быть, недоедание здесь не при чем? Может, я попросту на солнце перегрелась? А, гори оно все синим пламенем! И я принялась яростно ковыряться в замочной скважине, потом пнула дверь, где еще при жизни наших с Риной

предшественниц какие-то шутники нацарапали впечатляющий набор бранных словечек на орочьем. В лицо дохнуло ароматом цветущей сирени, и это означало, что моя соседка дома. В отличие от меня, ей частенько присылали денег на карманные расходы, и Рина предпочитала все спускать на помады и духи, а если уж душилась, то так, что «легкий и женственный» аромат мог свалить с ног быка.

Рина сидела у окна и шила курсовой проект. Не маг – картинка! Платье цвета чайной розы с нескромным вырезом, плавная линия плеч, игривый медно-рыжий локон на нежной шейке. В маленьком ушке – аккуратная золотая сережка. Румянец на щеке, строго сомкнутые губы, аккуратный, чуть вздернутый носик.

Когда видишь Рину, сразу становится понятно, что в интернат ее отдали только для того, чтобы после обучения иметь диплом об окончании соответствующего заведения. Такие как Рина не держат магических лавок и не калечат глаза, работая ночи напролет. Они быстренько выходят замуж, рожают пару-тройку детишек и употребляют свой магический дар исключительно для того, чтобы повесить карапузу на шею талисман от царапин и синяков.

Я грохнула о пол тяжелыми ножнами. Рина оторвалась от вышивки, оглядела меня, близоруко щурясь. Все-таки неспроста почти все вышивальщицы пользуются услугами целителей: от постоянного и ежедневного шитья быстро портится зрение.

– Тебе письмо, на кровати, – сказала она, а затем вернулась к своему занятию.

Письмо? Я поежилась. В последний раз мои дорогие родственнички вспомнили о моем существовании в день смерти прадедушки. Позвали на ритуал прощания, прекрасно зная о том, что я не поеду. Прадедушку успели спустить в семейный ледяной грот еще до того, как письмо приехало в интернат.

Я не стала кидаться к дешевому, из серой бумаги, конверту, сперва сунула свой любопытный нос к вышивке Риной. У нее, несомненно, был талант: для наставников Риночка готовила нечто экстраординарное. Я попыталась проследить вышитые мелким рубиновым бисером линии, запуталась в первом же узелке.

– И что это будет?

Она усмехнулась, провела ладонью по орнаменту – любовно, как будто гладила собственного ребенка.

– В этот раз я рассчитываю на удвоенную стипендию.

У меня стипендия была самая обычная, а на большее я не смела претендовать. Тут выбираешь: либо дни и ночи напролет сидишь, скрючившись над вышивкой, либо по пол-дня проводишь на выматывающих тренировках, совершенствуя тело, но сильно теряя в деньгах.

– Призыв феникса, – наконец пояснила Рина, – ты что, не видишь? Вот это – голова, а это – крылья. Хвост еще не вышила, глаза болят.

– Ты бы к целителю ходила, – буркнула я. Все-таки счастливая она, эта Ринка, уже хотя бы потому, что ей не придется зарабатывать на жизнь таким дрянным занятием, как вышивка.

– А, успею еще, – она беспечно взмахнула холеной ручкой, – ты это, письмо не забудь. Мне тоже интересно, кто это сподобился о тебе вспомнить.

– Да уж, – выдохнула я.

Добрая, милая Ринка прекрасно понимала, в каком я дурацком положении из-за неуместного магического дара. Она меня жалела, и это была чистая, искренняя жалость, которую не противно принять.

Я рассеянно дернула завязки на вороте блузы, ловя себя на совершенном нежелании заглядывать в конверт. Ядовитую змею туда, конечно, подложить не могли, но радужных вестей тоже ждать не приходилось.

– Давай-давай, – подбодрила Рина, – вдруг у тебя помер какой-нибудь прадед и оставил тебе целое состояние?

– Да у них зимой снега не допросишься, – фыркнула я.

Да-да. У магов холода. Зимой.

Внезапно развеселившись, я храбро надорвала конверт, заглянула внутрь. Там лежала четвертушка листа тонкой желтоватой бумаги. Вот ведь сволочи – и почему они так и стараются на мне сэкономить? Я извлекла послание на свет божий, пробежалась взглядом по скучным строчкам и...

Наверное, я сильно побледнела, поскольку Рина отложила шитье и метнулась ко мне. Взяла мягко под локоть, усадила.

– Ну, Ирби, что там такое? Говори, не тяни!

Я молча протянула ей листок. Охр, это был конец. Конец всему: моему будущему, моей умеренно благополучной жизни, всем моим перспективам. Сколько я отучилась? Три года. До окончания еще два...

«Сим письмом извещаем Ирбис Валле о том, что круг старейших принял решение об исключении вас из клана магов холода со снятием всех обязательств, в частности, по оплате обучения в ...ском интернате общей магии».

– Чушь какая-то, – судорожно выдохнула Ринка, – этого просто не может быть. Ошибка какая-то, Ирби! Ну, в самом деле, они не могли так с тобой поступить! Не мог-ли! Поезжай туда, Ирби, отпросись на недельку. Руку даю на отсечение, это дурацкая ошибка...

Глядя на бушующую Ринку, я думала о том, что – вот он, единственный маг, которому в самом деле меня жалко, которому не наплевать на мою дальнейшую судьбу. Но все равно, сытый голодному не товарищ, у самой Ринки с перспективами полный порядок, и ей не понять охватившего меня черного, смертельного отчаяния. Хоть в петлю лезь, хоть вены режь.

Конечно, я поеду к своим драгоценным родственничкам, конечно, я буду возражать, давить на жалость. Каких-то два года осталось, охр! И вот так, все скомкать и выбросить?! В конце концов, я же не шелудивый котенок, чтобы вышвырнуть на помойку...

Но что-то подсказывало мне: никакой ошибки в письме нет, и от поездки моей ничего не изменится.

Все будет именно так, как решил круг старейших, провались они к Охру. В конце концов, там у него оч-чень жарко, а что может быть для мага холода хуже, чем пекло?

Отпроситься у наставницы оказалось делом несложным. Добрая тетка не стала вдаваться в подробности, или выдаивать из меня ответы на извечные «ой, а что случилось? А почему такая спешка?». Смерив меня сочувствующим взглядом, наставница поставила подпись на нужном бланке, сухо пожелала счастливого пути и вернулась к прерванному вязанию. Подписанную бумагу я отнесла в преподавательскую и отдала секретарю, похожему на аиста в очках.

- Значит, на семь дней? – уточнил он, тыкаясь длинным носом в бланк с таким видом, будто я только что подделала подпись.

- Да, – буркнула я не очень-то приветливо, – семейный дела, знаете ли.

Но, шагая по коридору в свою комнату, я уже была уверена в том, что вернуться в интернат мне не суждено. Уговаривать магов холода – все равно, что биться головой о лед: и кожу свезешь, и толку не будет. Вот такие они... Ох, то есть мы. Упертые как ослы, и ничего с этим не поделаешь: наследственность. Поэтому к сборам я приступила основательно. Ринка ушла на лекцию – и хорошо, незачем ей знать, что я уезжаю отнюдь не на недельку. Она, конечно, меня жалеет и все такое, но вряд ли поймет, а там еще и донесет кому надо для моего же блага, и сидеть мне взаперти на хлебе и воде. Один раз со мной такое приключилось, мы тогда с Хельгом, боевым магом, выбрались в близлежащий Оссен за элем, но там он ухитрился повздорить с местными и... Начинаящий боевой маг способен на многое, если его разозлить. Местные ретировались в великом смятении, но не упустили случая сообщить о происшедшем директорисе. До сих пор в ушах ее визг стоит. Как она верещала! Только что в истерике не билась, вопя о том, что все наши проделки позорят интернат общей магии и что, будь ее воля, она бы уже отправила по домам три четверти олухов, но что же тогда останется делать их несчастным родителям? Не иначе как наложить на себя руки. И эта истеричная леди заперла и Хельга, и меня в карцер. На десять дней. Потом я еще две недели ползала к лекарю, чтобы вылечить застуженные легкие. Ну, и за выпивкой мы тоже больше не ходили. А по поведению в том памятном триместре вlepили мне двойку, что на самом деле было обидно. В конце концов, моя вина заключалась в том, что я без разрешения покинула территорию интерната, а

жители славного Оссена пострадали исключительно от руки Хельга. Впрочем, теперь все это было не важно, хотя осадочек на душе неприятный остался, и с Хельгом мы разругались вдрызг.

Я собиралась в долгий путь, а потому укладывала все, что могло мне пригодиться для создания талисманов. Во-первых, нитки всевозможных оттенков, во-вторых – мешочки с бисером. Канву, войлок и кожу. Магия вышивальщиков – очень хитрая штука. Мы воплощаем нашу силу в узорах, закладываем в них доступные для других заклинания, которые сами никогда не сможем использовать. И, к тому же, непомерно дорогая эта магия. Купишь, к примеру, не самый лучший бисер, получатся недостаточно четкие линии, в результате заклинание, которым будет напаян амулет, или вовсе не сработает, или сработает не так как надо. Вместо шара огня плюнет жалкими искрами под ноги и потухнет. Или вот нитки. Во время работы талисмана они испытывают изрядное натяжение. Купишь нитки подешевле – разлетится твоя работа после первого же использования, расползется как старый носок. А с кожей вообще сплошные неприятности: она ведь защищает владельца талисмана от воздействия магии, защитой в нем же. И чтобы какой-нибудь маг не получил ожогов, обморожения или не захлебнулся к охру в созданном им же водяном вихре, приходится покупать самую лучшую и, естественно, самую дорогую кожу. Идеально подходящей для шитья талисманов кожей всегда была кожа орочья. Но – увы! – с некоторых пор его величество король Веранту заключил с зелеными мирный договор, после чего свежевать орков перестали, а цены на их кожу взлетели до небес. Теперь редко-редко привозят в стены интерната какой-нибудь зеленый огрызок, на котором толком ничего и не разместишь. Ходят упорные слухи о том, что снимают теперь кожу с орков, приговоренных в Орикарте к смертной казни, и это плохо. Как говорится, уж лучше шкура с хорошей коровы, чем с дурного орка.

Поверх магических принадлежностей я положила смену нательного белья, кусок ароматного мыла, подаренный Риной на день рождения, зубную щетку, коробочку мятного зубного порошка и... все. На этом мои пожитки неожиданно закончились. Все остальное предстояло нести непосредственно на себе: башмаки на толстой подошве, штаны из мышастого цвета холстины, блузку, кожаную тунуку и куртку. Впрочем, куртку можно было и утрамбовать в мешок: лето все-таки.

Путешествовать я предпочитала в образе паренька. Немного смазливый, но все-таки. Это куда удобнее, чем демонстрировать всему миру беспомощность,

обряженную в кружева и оборки. К рюшам и бантикам на дороге всегда повышенное внимание, и это еще можно перенести, когда путешествуешь в сопровождении умудренного жизнью боевого мага. Но девица, едущая куда-то в одиночку? Нет уж, благодарю покорно! А если вспомнить, какой сброд шастает по дорогам, то идея странствовать в образе юноши начинает казаться единственно правильной.

...И вот, оглядев свою комнату – скорее всего, в последний раз – я решительно пристегнула к поясу ножны. В горле появился неприятный комок, он напоминал о том, что, как ни старайся, невозможно напрочь вымести из души горечь разбитых надежд. Можно сколько угодно говорить себе – мол, плевать на все, как-нибудь проживу, но... Интернат все эти годы был мне домом, где я встретила понимания больше, чем за все время пребывания в землях родного клана. Гадких утят не любят. А мне, к сожалению, вовсе не светило превратиться в прекрасного лебедя.

С такими мыслями я покинула интернат общей магии. Тяжело хлопнули створки ворот, отрезая меня от ставшего привычным маленького мирка, а на меня смотрел мир большой, блестя каплями росы и голосами птиц воспевая очередной восход солнца. Я несколько минут постояла неподвижно, соображая, что делать и куда идти: то ли просто отправиться куда глаза глядят, то ли предпринять попытку выбить из старейшин оплату последних двух лет обучения в интернате. Я выбрала последнее. Вдоволь побродить по свету я успею в любом случае, а остаться магом-недоучкой все-таки куда хуже, чем магом дипломированным. Магистрат любого, даже самого захудалого городишки обязательно потребует диплом. Диплом нужен для того, чтобы получить лицензию, лицензия, в свою очередь, позволяет открыть магическую лавку. В общем, сложно все это, сложно. И, положив руку на сердце, я понятия не имела, как мне поступить и чего ждать в будущем.

До Оссена – часок быстрым шагом, по широкой, мощеной булыжником дороге. Сперва я топала в гордом одиночестве, но по мере приближения к городу мне начали попадаться то крестьянские повозки, то одиноко бредущие подозрительные личности. На меня поглядывали, но без особого интереса: как я уже сказала, путешествовать пареньком куда удобнее, чем девицей. К тому же, меч у пояса прозрачно намекал на то, что в случае чего паренек может и сдачи дать.

Низкие башни Оссена видно издалека. Они приземисты, невзрачны и кое-где искорежены давней войной. Никто их чинить не собирается, потому что – слава Хайо – новой войны пока не предвидится, да и Оссен из приграничного города превратился в захудалый городишко глубинки Веранту. В далекие лихие годы королевство-победитель отхватило у Орикарта приличный кусок земли, на границе вырастут новые крепости – а стены Оссена продолжали медленно рушиться. Так медленно, как только и могут разрушаться старые и на совесть отстроенные укрепления.

Однако, в Оссене было кое-что занятное помимо вечно сонных жителей, грязных улиц и базарной площади, где на прилавках кроме подгнившей морковки и картошки с налипшими комьями земли ничего не найдешь. Если вам доведется когда-либо здесь побывать, непременно спросите, как пройти на вокзал. Да, вот такое странное словечко, перекочевавшее к нам из гномьего. Выходцы из горных недр проложили здесь железную дорогу, по которой резво гарцевал паровоз. Именно на нем я и собиралась трястись три дня к долине Вагау, заселенной кланом магов холода. На почтовой карете пришлось бы добираться куда дольше.

Чем глубже я вдавалась в Оссен, тем сильнее крепла уверенность: что-то изменилось. Раньше город напоминал добродушного старого спаниеля, дремлющего у ног хозяина. Узкие улочки, черепичные крыши, редкие деревца, хилые розы. Незыблемый покой старинного лабиринта, ощущение застывшего в камне времени. Горожане ползают туда-сюда как сонные мухи, и только на рыночной площади царит оживление. А теперь... Откуда-то здесь объявились королевские гвардейцы, по улицам рыскали худосочные некроманты, мимо меня, переругиваясь, бодрой рысью пробежала парочка королевских гончих.

Хм. Это было нечто новенькое для дремлющей старины.

Орикарт нынче далеко. Эльфы – те просто не опустятся до того, чтобы наведаться в Оссен, они затаились в западных лесах, к себе никого не пускают, но и сами не показываются. Гномам тоже пакостить не с руки, проложенная железная дорога стала для них и новой золотой жилой, и алмазным дождем. Некроманты, гм... Неужели беспокойно на кладбище? Случалось, что какой-нибудь совершенно чокнутый некромант подымал мертвяков. Кто-то исключительно чтобы насолить соседям, кто-то в качестве кровной мести магистру города, ну а кто просто так, чтобы поглядеть что будет. Но сейчас за подобные выкрутасы – смертная казнь без суда и следствия, а любой, даже

очень сильный некромант все-таки нуждается в сне и отдыхе, и тогда ничего не стоит пожечь охраняющих его мертвяков, а самого мастера скрутить и вздернуть на ближайшей осине...

Я добралась до базарной площади, глянула на большие часы на башне ратуши: до посадки на поезд оставалось еще полтора часа, в кармане бренчало несколько мелких серебряных монет. И я решила зайти в одну из маленьких таверн, выпить горячего чаю с булкой, а заодно и узнать, что приключилось со старым добрым Оссеном.

Таверны Оссена не хуже вокзала и паровоза могли поразить воображение путешественника, поскольку здесь было принято торговаться с хозяевами на предмет стоимости еды и питья. Процветали те, кто позволял неприлично сбивать цену (или делал вид, что позволяет). Таверны, которыми заправляли жадюги или недостаточно хитрые оссенцы, почти всегда пустовали, а потом и вовсе закрывались. В последний раз, когда мы были здесь с Хельгом, как раз пошла с молотка «Глазастая хрюша», сейчас же на ее месте возникла «Рога и хвост» – не иначе как самого охра.

Приподнявшись на цыпочки, я робко заглянула внутрь. Зал не то, чтобы был переполнен, но и не пустовал; меж столиков подобно паруснику носилась румяная тетушка средних лет. Одного взгляда на нее хватило, чтобы понять: вот как раз это заведение и следовало назвать «Глазастой хрюшей», а вовсе не какими-то там рогами и хвостами. Внутри – как мне показалось – было довольно чисто, и я решилась. Все маги холода на удивление безгливые, для меня проще переплатить, чем есть с грязного стола.

Я решительно толкнула дверь и вошла.

А еще через мгновение осознала, что лучше бы зашла куда-нибудь в другое место.

Гвардейцы, некроманты, гончие – их сюда набилось предостаточно.

Конечно, я – не преступник, и не мне бы их опасаться, но все равно... Как-то стало гадостно на душе, и я уже хотела развернуться и выйти, как вдруг

увидела в дальнем углу странное сооружение, задрапированное черной тканью.

Любопытство – не товарищ здравому рассудку. Меня словно магнитом потянуло к этой черной высокой тумбе. Или охр толкнул, что более вероятно. А учитывая тот прискорбный факт, что все присутствующие предпочитали держаться подальше от странного предмета и, соответственно, свободными оставили только столики поблизости от оногo, я не придумала ничего лучше, чем демонстративно протопать через весь зал и сесть на свободную лавку, аккуратно поставив рядом сумку. Спинай почти вплотную к драпировке.

На миг в таверне повисла зловещая тишина, я почти ощутила колкие, устремленные на меня взгляды нескольких десятков мужчин... Затем и гвардейцы, и некроманты вернулись к прерванному обеду. А ко мне, грозя придавить роскошным бюстом, придвинулась «хрюша».

– Что будем?

– Э-э-э, – протянула я, рассеянно глядя на забавные пуговицы на ее очень белой и чистой блузке. Заинтересовали они меня исключительно своей схожестью с глазным яблоком. Восприняв мой взгляд как очередной комплимент, тетка угрожающе придвинулась еще ближе. Наверное, я все-таки была симпатичным пареньком.

– Так и запишем. Пиво, – она заговорщицки подмигнула, – пинту? Больше?

– У меня через час паровоз, – с сожалением ответила я, отодвигаясь на другой конец лавки, – так что мне чай, булку с жареной колбаской и...

– И?

– Пожалуйста, наполните водой флягу.

Я протянула ей дорожную фляжку, на которой голубел эмалью герб нашего клана. Внезапно она наклонилась ко мне так близко, что обдала запахом чеснока.

– Слушай, дружок, – быстрым шепотом сказала она, – пересел бы ты на другое место.

– А что? – я наивно похлопала глазами, – к некромантам не хочу. Другие места вроде заняты.

– Убийцу они везут в Карьен. Да к тому же еще и мага, поэтому и запечатали его со всех сторон. А ты сидишь к нему вплотную, как бы не сделал он чего тебе, – тихой скороговоркой протараторила «хрюша» и унеслась на кухню.

Мое удовлетворенное любопытство торжествовало. Маг-убийца! Так вот почему в Оссен нагнали некромантов! А под черной тканью наверняка железная клетка, внутри которой, скованный серебром, распят злодей! И я, охр возьми, сижу с ним рядом и, пожалуй, даже могла бы заглянуть под полог...

Тут я вовремя спохватилась. Ирбис, Ирбис, на кой тебе совать туда свой нос? Тебе мало собственных неприятностей? Или хочешь, чтобы и за тобой гонялись мрачные субъекты в черных балахонах? И без того тарасились на тебя как на сообщника. И вообще, самое лучшее, что сейчас можно придумать – это подняться неторопливо и шагать прямехонько к выходу. В конце концов, раньше я как-то без приключений обходилась, а сейчас далеко не самое лучшее время ими разживаться.

Стоп. А как же обед?

И я приняла чрезвычайно важное решение: поесть, а потом уйти. Ведь срываться из-за стола, так и не получив заказ, подозрительно не в меньшей мере, чем просто сидеть вплотную к закованному в серебро преступнику.

Наверное, все мои мысли отражались на лице, потому что «хрюша» усмехнулась, ставя передо мной поднос. Флягу тоже положила рядом.

– Ну, приятного аппетита.

– Спасибо, – я покосилась на черноту за спиной и принялась за жареную колбаску и булку. Пинта темного пива (о которой я, впрочем, не просила) оказалась как нельзя кстати.

И тут, очевидно, злокозненный Охр взял мою судьбу в свои когтистые и скрюченные руки. За спиной всколыхнулась чернота и очень тихий, хриплый голос произнес:

- Во...ды...

Я едва удержалась, чтобы не сорваться с места и не рвануть к выходу. Охр, я просто притворюсь глухой и буду делать вид, что ничего не слышала.

- Именем... Хайо... воды, пожалуйста... - едва слышный хрип с трудом пробивался сквозь плотную ткань.

Ну почему, почему?!! Почему меня угораздило сюда зайти, а?

- Воды, - прошептал убийца.

Я попробовала разбудить в себе злость, что-то вроде - как других жизни лишать, так пожалуйста, а как самому подышать от жажды - так не хочется? Но вместо холодной, колючей злости получилась мягкая как кисель жалость. Маг, запертый в клетке и закованный в серебряные цепи, умирал от жажды. А я сидела рядом и наслаждалась темным пивом. Охр, что же делать?

А вот что.

Неловким движением я уронила на пол сумку. Ворча ругательства, какие подобает ворчать парню моего возраста, незаметно смахнула со стола и флягу. Та-ак. Замечательно. На меня уже не обращали внимания. Я присела на корточки над сумкой, свинтила крышку с фляги и, пока никто не смотрит, сунула воду под драпировку, стараясь поднять ее как можно выше. Тихо, почти неслышно звякнули цепи, на миг мои пальцы соприкоснулись с ледяными наощупь пальцами убийцы, и он тут же вцепился во флягу как зомби в жертву. Охр, похоже, мне придется ехать до Вагау без питья. Ну, или покупать воду на станциях.

Но жалеть было не о чем.

Фляга с гербом клана? Пропади она пропадом, возьму другую.

Напоила преступника? Хайо ему в помощь. Его судьба и так незавидна. Довезут до Карьена и, наверное, четвертуют. Или расплавленное серебро в глотку. У нас с убийцами, да еще и магами, не церемонятся.

Паровоз пыхтел, обдавал чистое небо смрадным дыханием и мчался сквозь лес. Вот так до самой Вагау: сколько ни смотри в окно – только густой, почти черный ельник. Скучно. Но в купе еще скучнее: мягкие диваны, обитые приторно-розовым плюшем, маленький столик, чтобы пассажиры могли позавтракать, наивные подснежники в стеклянной вазочке, которым вовсе не сезон – а если приглядеться внимательнее, то понимаешь, что цветы умело высушены и будут стоять здесь до тех пор, пока не осыплются кучкой пыли. Конечно, не везде в вагонах такие уютные купе, но я не стала экономить на билетах: гулять так гулять, хотя, скорее всего, в последний раз.

Я смотрела на ельник и все крутила в пальцах крышку от утерянной навсегда фляги. Не хотелось думать о том, что я поступила дурно или неправильно, дав напиток тому, кто без зазрения совести убивал людей. Вообще хуже некуда изводить себя мыслями о том, что уже сделала; правы те, кто говорит – сперва думай, потом делай. Жаль только, что далеко не у всех получается жить именно так.

И, что еще более забавно, благодетельствованный мной убийца ехал в соседнем вагоне. Я видела, как, ругаясь на чем свет стоит, полицейские грузили клетку. Вот так. Мне три... нет, уже два дня до Вагау, а ему три дня до смерти. Неприятное путешествие.

Итак, я была на пути к долине, где двадцать лет назад меня произвели на свет.

Если открыть учебник географии, то ближе к середине найдется страница, посвященная Вагау и ее обитателям. Там будет написано, что Вагау – одно из живописнейших мест королевства Веранту, находится у подножия горы Манатр и издревле заселена многочисленными семьями магов холода. Помимо этого в учебниках любят отмечать, что даже летом в долине не бывает жарких дней, а зимы достаточно суровы для южного Веранту. Следствие ли это магии холода, либо же наоборот – маги поселились в Вагау исключительно из-за климата – до сих пор толком не выяснено. Самые известные чудеса Вагау – хрустальный

дворец старейших в городе Изброн и розовый храм Хайо, чьи шпили высоки настолько, что «позволяют верующим достучаться до небес».

Дом моей семьи расположился в пригороде Изброна. Там неподалеку есть маленький садик со «снежной» беседкой, где круглый год на головы посетителей сыплется мягкий снежок. Моя семья богата и родовита, отец, Морис Валле, написал известный в узких кругах трактат «О флюктуационной природе заклятий», мать, Лавия Валле, прославилась как создатель ледяных статуй. Кроме того, у меня есть брат и две сестры: Геллис, Мария и Стелла. Геллис давно женился, а вот сестрицы по-прежнему живут в родительском доме. Они ведь истинные маги холода, их навыки радуют родительский глаз и тешат гордость. Гадкого утенка, уroda в семье, лучше всего отправить куда-нибудь подальше, в интернат. Меня и в Орикарт бы выслали, но только вот предложения подходящего не нашлось.

...Я смотрела на бесконечную, убегающую вдаль черную кромку ельника и пыталась представить себе очередную и, судя по всему, последнюю встречу со своей семьей. Любопытно, предпринял ли отец попытку изменить решение старейших? Или махнул рукой со словами «с глаз долой из сердца вон»? А мама? Она-то как? Или уже привыкла к тому, что ее гадкий утенок «где-то там», далеко от величественной Вагау и злорадствующих соседей? Хайо. Неужели ни одной слезинки не было по мне пролито? Или же благородная Лавия Валле выплакала все слезы двадцать лет тому назад, когда ей объявили о совершенно негодном дару младшей дочери?

Что до сестер, я не сомневалась в их прохладном сочувствии. Они всегда меня немножко жалели, примерно так, как жалеют уродца выставленного на ярмарке. «Бедная Ирбис! Как она жить-то будет, с таким даром? Слепнет к тридцати годам, не иначе. Фу, как все-таки хорошо, что у нас с этим порядок...»

Хлопнула дверь соседнего купе. Открылась – и также быстро закрылась, как будто кто-то заглянул и двинулся дальше. Сквозь громыхание колес мне послышался чей-то сдавленный крик. Но, верно, послышалось. Мне вечно чудятся всякие ужасы, притом без видимой на то причины.

Внезапно распахнулась дверь и в мое купе. Я только и успела, что обернуться – дыхание застряло в горле. На пороге стоял здоровяк, каких еще поискать: голова почти упирается в дверную перекладину, плечи широченные, руки все равно что лопаты. Одежда на этом субъекте отсутствовала за исключением

маленькой набедренной повязки. А еще – этот тип не был живым. Совершенно. Мне доводилось видеть, как интернатские некроманты подымали трупы на интернатском же кладбище, и этот... этот гад, несомненно, тоже еще недавно спал вечным сном. В сбившихся волосах застряли комья земли, живот распорот от грудины до паха, а потом зашит суровыми нитками через край...

Белесые буркалы мертвяка впились в меня. Я предприняла судорожную попытку вдохнуть – хотя, мамочки, к чему дышать, когда тебя все равно через минуту сожрут? Во рту стало кисло, перед глазами стремительно собирались серые мошки. Да, да, пусть он меня сожрет, пока я буду без чувств, так даже лучше. В гаснущем сознании пронесли, одна за другой, цветные картинки: вот моим родителям докладывают о гибели вышивальщицы по дороге к Вагау, вот они скорбят, собирая мои останки... Фу, неаппетитно-то как...

Мертвяк качнулся ко мне, но вдруг попятился, с силой захлопнул дверь и устремился куда-то дальше. Я прислонилась головой к деревянной переборке купе и закрыла глаза.

А еще через минуту дверь снова хлопнула, и ко мне влетела растрепанная дамочка преклонного возраста с перекошенным от ужаса лицом.

– Вы видели? Вы видели это? – повторяла она бесконечное количество раз, – вы. Видели?!!

– Эээ... – промычала я. Дар речи, похоже, еще не вернулся. А престарелая леди в потертом рединготе, судя по всему, была моей соседкой. Это ее тоненький вопль я слышала сквозь перестук колес.

– Это все они, они! – пропищала она, – они не должны были везти его поездом вместе с приличными людьми!

– Гм, – глубокомысленно откликнулась я.

Смысл происходящего медленно, очень медленно начинал доходить до меня. Похоже, все дело в убийце, которого везли в Карьен на казнь. Наверное, у него объявились сообщники, которые решили устроить ему побег. Правда, вряд ли зомби что-то смогут сделать, все-таки преступника охраняют некроманты. А там – кто знает? Некроманты, что обучались в интернате, как-то обмолвились, что

качественно сделанный зомби может быть умиротворен только тем, кто его поднял. Рассказы о том, как герой-некромант одним мановением руки укладывает поднятых врагом мертвяков – не более чем сказки.

– Так что, если он удерет, виноваты только эти тупоголовые полицейские, – заключила леди, ловко заправляя седой локон под шляпку, – а вы, милочка, как думаете?

Я хмуро оглядела эту не по годам шустрюю особу. Плохо, что она вот так сразу во мне разглядела девчонку. А я-то, дурочка, рассчитывала сойти за паренька... Но добрые морщинки в уголках близоруких глаз подкупали, и я уже было открыла рот, чтобы ответить, как леди поспешно добавила:

– Не беспокойтесь, милочка, кто-нибудь другой обязательно принял бы вас за юношу. Вероятно, вам знакомо слово «прознатчица»?

– Тогда я могу и вовсе не отвечать, – буркнула я, смутившись окончательно.

Прознатчиками обычно называли магов, чей дар был Познанием. Они познавали все, что подворачивалось под руку или попадалось на пути. Некоторым было довольно одного взгляда на интересующий их предмет, чтобы узнать о нем всю подноготную.

– Но мне было бы приятно просто поговорить с вами, деточка, – тут же нашлась моя соседка, – знаете, это так утомляет, когда все, на что ты смотришь, наконец становится похожим на открытую книгу. От этого и с ума сойти недолго. И мне на самом деле совершенно неинтересно, что у вас большие неприятности с семьей, и что вы питаете надежду на то, что все разрешится наилучшим образом... Так что вы думаете, сбежит он или нет?

– Э-э, – я вконец растерялась. Охровы прознатчики. Наверное, про нее и думать плохо опасно, вмиг прочтет.

– Меня зовут Минерва, – сказала она и энергично пожала мою руку. Ее пальцы показались мне неестественно горячими, как будто старушка только что держала руки у полыхающего камина, – Хайо, деточка, да вы просто ледяная... Бьюсь об заклад, неживой громила вас изрядно напугал.

– А вас? – наконец промямлила я. Изумительная немногословность, но все мысли из головы удалились по неотложным делам, осталась гулкая и очень глупая пустота под черепашкой.

Минерва была приятной старой леди, похожей на маленького сверчка. На загорелом и очень ухоженном лице – россыпи морщинок. Элегантные очки в тонкой оправе – неужели не хватает денег на целителя? Свежая голубенькая блузка была заколота у ворота красивой брошью с полированным куском лазурита, и шляпка, кокетливо прикрывающая седые волосы, была такого же глубокого синего цвета.

– Я едва Хайо душу не отдала, – леди смешно подкатила глаза, – посмотрим, что теперь будут делать наши доблестные стражи закона!

– Там едут некроманты, – выдохнула я, – уж с одним зомби управятся.

Внезапно лицо Минервы осветила озорная улыбка.

– Милочка, вы слишком высокого мнения о некромантах на королевской службе. Неужели вы верите в то, что наш драгоценный министр будет нанимать на постоянную службу хороших некромантов? Хорошие – они слишком много хотят за свои услуги. А вот поднать вчерашних выпускников, да еще не самых лучших, которые даже практику себе не в состоянии обеспечить – это пожалуйста. – она на миг умолкла, переводя дух, а затем с энтузиазмом продолжила, – давайте выглянем из купе. На минуточку. Вдруг там что-нибудь происходит?

Я подумала о том, что совершенно не хочу знать, что творится в коридоре. Мне было вполне достаточно появления зомби в купе, чтобы продолжать искать с ним встречи. Но Минерва – ох уж мне эти шустрые старушки – резво подскочила к дверям и высунула наружу любопытный нос.

– О, – только и сказала она.

Это было произнесено так радостно, как будто она только что нашла золотую булавку. Я тоже поднялась с дивана и – Хайо, это не я. Это не я выглядываю в коридор поверх головы Минервы. Мне бы сидеть и продолжать созерцание черного ельника...

Мимо нас как ни в чем не бывало прошествовала весьма любопытная на вид парочка: высокий и тощий субъект в лохмотьях, а за ним – уже знакомый мне зомби. Тот, который живой, был обрит налысо, лицо злое, страшное. Один глаз не открывается из-за чудовищного кровоподтека, в другом – кромешная темень. Проходя мимо, он мельком глянул на нас с Минервой, что-то прокаркал своему мертвяку, отдавая приказ, и – все. Хлопнула дверь тамбура, и они исчезли.

– Не повезло ему, – подала голос Минерва, – и еще, милочка, будьте осторожны. Этот молодой человек не прочь вас разыскать. Вы ведь дали ему свою флягу?

Вот так.

У меня внезапно пересохло во рту, колени подогнулись, и я, доковыляв до дивана, без сил плюхнулась в его мягкие объятия. Только этого мне не хватало. Меня разыскивает убийца, которого, в свою очередь, разыскивают все гончие и некроманты королевства.

– Не беспокойтесь, моя дорогая, – Минерва неторопливо прикрыла дверь и повернулась ко мне, – у нас, прознатчиков, есть особая клятва – не разглашать того, что мы читаем. Уж я точно не побегу докладывать о том, что вы пожалели подобного себе, пусть он даже и недостоин и намек на сострадание. Этот... мальчик хочет найти вас, чтобы отблагодарить, но не знает, где и кого искать. А вам не стоит с ним встречаться, потому что он все же преступник и опасен.

Ничего себе мальчик!

– Я и не планировала с ним встречаться.

Минерва испытывающе поглядела на меня поверх очков.

– Послушайте меня, деточка. Я вижу, у вас большие неприятности, но, пожалуй, я смогу вам помочь. У меня есть брат, он очень стар и ему нужна помощница, чтобы содержать лавку магических талисманов. Я могу дать вам его адрес, он живет в нескольких часах езды на юг от вашей Вагау, в городке Талья. Скажете ему, что от Минервы.

– А что взамен? – осторожно поинтересовалась я. Маги редко предлагают помощь просто так.

– А что я с вас могу взять, милочка? – старушка выглядела удивленной, – не хочу вас расстраивать еще больше, но, похоже, вы бедны. Очень и очень.

– Маги берут еще и услугами, – буркнула я, краснея и отчаянно жалея о том, что вообще коснулась темы расплаты.

– Вряд ли вы сможете вышить талисман, отодвигающий старость и устраняющий боль, – усмехнулась Минерва, и тут же, резко меняя тему разговора, спросила, – как думаете, убийца уже на свободе?

– Он кости переломает, прыгая с поезда на полном ходу, – предположила я.

– Но он же лекарь, – Минерва хихикнула, – тут же и подлечится... Ой! Не нужно было мне этого говорить. Язык мой враг мой!

– Лекарь?!!

– Клятвопреступник, – пояснила прознатчица, – лекарь, который убил. И будет убивать дальше, если понадобится.

Мы помолчали.

А потом раздались крики, топот. Мимо моего купе пронеслись гончие, проворонившие убийцу.

– Полагаю, что они его нескоро найдут, – прокомментировала Минерва, – но смерть его... все равно будет ужасна. Должна быть ужасна.

И в ее голосе не было ни унции сожаления. Кажется, старушка была даже рада, что клятвопреступник получил небольшую отсрочку до того момента, как до него дотянутся руки настоящего правосудия.

Даже в жизни гадких утят встречаются добрые феи, этакие невесомые, сухонькие старушки в голубых блузках и кокетливых синих шляпках, похожие на сверчков. Так что неправду говорят, что, мол, не выдержав наплыва магов, феи упаковали чемоданы и отправились куда-то на запад, в дивную страну, отгороженную от мира высокими горными хребтами. Они – есть. И обращают свой взор даже на тех, кто жалок и не нужен собственной семье. Вопрос только в том, как приманить фею? Я думаю вот что: если поступать с людьми так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой, рано или поздно какая-нибудь фея обратит на тебя внимание. И появится. Не обязательно в блистающем наряде, а, может быть, в аккуратненьком рединготе и новенькой блузке. Мне даже не верилось – неужели я заинтересовала добрую фею, дав напиток клятвopреступнику?

Кстати, ни один нормальный маг холода не позволил бы себе ничего подобного.

...Мы расстались с Минервой, когда я сошла в Избронe. Она долго махала мне из окна, а я, ежась на пронизывающем ветру, все ждала, когда она растает, как и положено доброй фее из сказки. Но Минерва и не думала таять, когда поезд двинулся дальше, она просто села на диван, обитый розовым плюшем, и поехала дальше, в Карьен. А я осталась стоять посреди шумного вокзала, клацая зубами от холода. В кармане лежала визитная карточка брата Минервы, который, по ее словам, будет несказанно рад приютить хорошую вышивальщицу. Охр! Если этот старый маг похож на свою сестру, то я ни минуты не буду жалеть о том, что меня вышвырнули из прехолоднейшего клана.

В долине Вагау всегда холодно. Моя семья обожает пригород Избронa и мягкий снег, редкими хлопьями падающий в «снежной беседке». Когда снега становится слишком много, его выметают за пределы мраморного круга, и он быстро тает на летнем солнце. Иногда мне кажется, что за пределами долины Вагау маги холода растают точно также, и поэтому семья вцепилась в наше родовое имение как клещ в собачье ухо, и не вытравить их оттуда никакими силами – даже если начнет обрушиваться небо.

Я извлекла из сумки куртку, оделась. Стало уютнее, но отнюдь не теплее. То ли отвыкла я от ледяных ветров долины, то ли за время моего отсутствия здесь похолодало еще больше. Подхватив дорожную сумку, я кое-как протолкалась сквозь пеструю толпу приезжих, добралась до ближайшего извозчика. Приняв меня за юного путешественника, он назвал баснословную цену, но я не стала торговаться. Охр возьми, я все-таки дома.

Здесь никогда ничего не менялось. Особняк семьи Валле отгородился от всего мира серой стеной в два человеческих роста, которая кое-где сверкала наледью. Среди магов холода считается признаком хорошего тона украсить поместье каким-нибудь «холодным» чудом. Наши ближайшие соседи предпочитали разукрашивать кованые ворота невесомой шубкой из инея, вечный холостяк, чей дом находился через улицу, вырастил посреди двора гигантских размеров ледяной сталагмит. А у Валле все простенько, но со вкусом: поблескивающие льдом стены. Ну, и подальше от любопытных глаз – роскошные ледяные статуи, собственноручно изваянные леди Лавией.

И вот я выгребла из кармана остатки серебра, которые надо отдать вознице... После полугода, проведенных в интернате, я дома. От родных стен веяло холодом, тяжелые дубовые ворота – заперты. Похоже, меня никто не ждал – неприятное начало, ну да ладно. Не привыкать. Но на душе было беспокойно: с истинными магами холода всегда приходится быть настороже. Боюсь, что мой собственный отец и глазом бы не моргнул, если бы меня начали пилить на куски у него под носом.

Я постучалась, сперва деликатно, а затем настойчиво. Раздались тяжелые шаркающие шаги, на миг свет в смотровом отверстии заслонила чья-то тень, и створка ворот подалась вперед. В образовавшуюся щель высунулась зеленая морда гоблина.

– Привет, Мырька, – сказала я, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

Теперь я точно дома.

Гоблина Мырьку подарили нашей семье, когда я еще пешком ходила под стол в отцовском кабинете. Как сейчас помню: его, огромного и зеленого, пригнали в цепях и оставили в сарае на несколько дней – как пояснил отец, чтобы дурь выбить. Гоблин пробыл взаперти неделю, потом с него сняли цепи и отправили работать на кухню. С тех пор Мырька жил в особняке Валле и, наверное, жил неплохо; мне казалось, что ему лучше с нами, чем где-нибудь в вонючей гоблинской хижине. Мырька же предпочитал свои переживания хранить при себе, и только однажды я видела, как он плакал, сидя на грязном полу кухни. Он прижался лбом к стене, и широкие плечи мелко и жалко тряслись под

полотняной рубахой. Уж не знаю, какая муха меня тогда укусила, но я бросилась к нему, повисла на локте и, лопоча «не плачь, Мылька, не надо» разрыдалась сама.

Сейчас Мырька был стариком, век гоблина короче человеческого, не говоря уж о долгой жизни мага. У него выпали клыки, кожа утратила ярко-зеленый цвет и обрела оттенок оливы, вокруг глаз залегли глубокие морщины – Мырька стал хуже видеть и постоянно щурился. Я как-то спросила у отца, почему бы гоблина не сводить к лекарю, но отец только брезгливо поморщился и отчитал меня. Мол, над нами будет смеяться весь Изброн, если мы поведем к целителю гоблина. Был бы Мырька человеком – может быть. Но зеленое старое чучело? Нет уж, увольте. Да и незачем, все равно помрет.

– Входите, миледи, – степенно ответил Мырька, впуская меня, – завтрак уже закончился, миледи.

Ага, я именно так и думала. Это значило, что никто меня кормить не будет, ну да не страшно – мне не впервой пробираться на кухню. В прошлый раз, когда я приезжала домой, мы очень мило поболтали с нанятой недавно кухаркой. Она отвела душу в разговоре, поскольку с Мырькой не очень-то поделишься девичьими секретами, а я наелась горячих блинов, из которых она собиралась к обеду делать рулетики с паштетом.

– Миледи, почему на вас одежда простолюдинки? – брюзгливо заметил Мырька, – девице вашего положения подобает носить платья... красивые платья.

...На полпути от дома Мырька свернул с центральной аллеи, и дальше мы шли узкой дорогой, отсыпанной гранитной крошкой. То тут, то там из пышных кустов сирени торчали ледяные статуи леди Валле: полуобнаженные девы, могучие рыцари, взявшие пример с дев и тоже обнажившиеся, благородные и изящные драконы с шеями куда более тонкими и длинными чем лебедины... лед сверкал на солнце, от него ощутимо тянуло холодом, а мне отчего-то взгрустнулось. С каждым моим визитом ледяных фигур прибавлялось. Будь я на месте матери, мне бы давно наскучило это занятие, а она все режет и режет ледяные глыбы, день за днем, год за годом. Предмет гордости семейства Валле, Охр возьми! Для Лавии все эти красавицы, рыцари и чудовища были куда ближе собственных детей. Но моя матушка – маг холода, так и должно быть. Раньше я мечтала о том, чтобы схватить молоток и разнести все это великолепие вдребезги. Теперь – нет. Я знаю, что стоит разбить одни фигуры, мать сделает другие. Разбивая

лед не поменять душу.

- Мырька, - позвала я, - обо мне что-нибудь говорили в последнее время? Ты не слышал?

- Нет, миледи, - пропыхтел гоблин, - но я редко бываю в доме, вам лучше спросить у Вилены.

Вилена - это та самая кухарка.

- А чем занята семья?

Гоблин едва заметно пожал плечами.

- Ваш отец все пишет. Я не знаю, что. Каждый день вижу в окно, как он пишет за столом. Матушка делает единорога из льда, - он кивнул на очередную статую, - вот уже который месяц. Что-то у нее не ладится, она в глубокой печали. Леди Мария и Стелла каждый день куда-то уходят из дому, я не знаю, куда.

- Угу, - я кивнула, - в общем, ничего не изменилось.

Мырька промолчал.

- Мырька, а как я тебе?

Дурацкий вопрос, который уж точно не стоит задавать старому гоблину, сам собой сорвался с губ.

- Не понял, миледи, - ровно ответил старик.

- Да ладно, пустое, - буркнула я, - забудь.

- Миледи выросли, - внезапно прошамкал Мырька, - но наряд миледи огорчит моих хозяев. Зачем девушке вашего сословия оружие? Почему вы вырядились как мужчина? Почему не носите косы?

«Значит, я выгляжу ужасно», – мысленно заключила я, шагая вслед за гоблином.

Впрочем, невелика беда: особенно прихорашиваться не для кого. Ни один нормальный маг холода из Вагау на меня не позарится.

Светло-серый особняк как будто выступил навстречу из густых зарослей. Построенный в лучших традициях Вагау, в три этажа, он был по карнизам украшен причудливой резьбой; водостоки выполнены в виде зубастых тварей неизвестной породы, окна – высокие, стрельчатые, – кое-где забраны синими и зеленоватыми стеклами, и от этого в столовой вся семейка имеет вид утопленников, но отцу и матери это нравится. Все это – часть жизни магов холода, уклад которой не меняется веками.

Я вошла в свой дом через черный ход, поднялась по древней винтовой лестнице, чьи ступени изрядно стерлись, немного замешкалась, раздумывая – то ли идти в свою комнату, то ли сразу к отцу... И зашагала дальше, на третий этаж, где размещался кабинет Мориса Валле.

Он, как и говорил Мырька, сидел за письменным столом, обложившись баррикадами старинных пергаментов и фолиантов, которые наверняка видели зарождение королевства. Я похожа на отца: те же иссиня-черные волосы, те же густые брови вразлет, тот же острый подбородок. Слишком жесткие черты лица для девушки, но ничего не поделаешь, кровь не вода. Морис Валле усердно скрипел пером, выводя что-то на бумаге и, когда я, постучавшись, вошла в кабинет, едва удостоил взглядом своих великолепных синих глаз. Затем, быстро дописав начатое, отложил перо, сложил ладони домиком и поинтересовался:

– Что ты здесь делаешь? Тебе больше здесь не место.

Меня словно под дых ударили. Перед глазами потемнело, а желудок сжался до размеров грецкого ореха. Волной накатила тошнота, и хорошо, что с самого утра у меня и крошки во рту не было. Так, значит, Морис Валле был прекрасно осведомлен о том, что меня исключили из клана! Но, помилуйте, разве он от этого перестал быть моим отцом?

– Я получила оповещение от старейших, – с трудом шевеля языком, пробормотала я. Слова застревали в горле и кололи нёбо точно конские каштаны, – ты... уже все знаешь?

В ответ – всего лишь кивок. А у меня появилось впечатление, что отец уже начал вмерзать в свой любимый стул – так же, как матушка примерзла руками к ледяным статуям.

– Мы не можем оспаривать решение старейших, – спокойно продолжил отец, глядя куда-то сквозь меня, – ты больше не принадлежишь нашему клану, Ирбис, и не должна здесь находиться. Впрочем, наверняка ты с самого начала подозревала, что именно этим все и кончится. Клан не обязан держать в своих рядах... вышивальщицу.

Последнее слово он выплюнул точно плохо прожаренное мясо.

– Здесь мой дом, – я в отчаянии стиснула руки на груди, – ты что, меня выгоняешь?

– Ничуть, – он приподнял красиво очерченную холеную бровь, – но больше жить здесь ты не будешь, таково решение старейших. Пойди, попрощайся с матерью и...

– И катись на все четыре стороны? – с трудом выдавила я, мысленно молясь Хайо, чтобы весь этот кошмар как можно скорее закончился.

– Как маг-вышивальщик ты можешь найти работу неподалеку от Вагау, – ободрил меня отец.

– Угу. Все понятно, – я шмыгнула носом и заморгала, чтобы истинный маг холода не увидел моих слез, – ну я пошла?

– Иди. Только переоденься. Если мать увидит тебя в таком виде, ей сделается дурно.

И тут я не выдержала. Подскочила к этому треклятому столу, к которому примерзли локти моего дражайшего папочки и, захлебываясь в собственных

слезах, заорала на него. Кричала я о том, что, боги, какой он мне отец, если так спокойно выгоняет из дому только за то, что мой магический дар не удался. О том, что все они тут как мороженые селедки, о том, что вместо сердец у них давно стынет лед, и такой же лед скоро будет в мозгах. А еще... о том, что и семейка Валле, и все старейшие вместе взятые жестоко пожалеют о том, что выгнали меня, что я отомщу... Или нет, я прославлюсь так, что всем им станет стыдно за то, что они меня вышвырнули на улицу.

- У тебя истерика, - заметил Морис Валле, - иди, умойся. А потом можешь попрощаться с матерью. Я... пожалуй, я смогу тебе дать денег на первое время.

- Да пошел ты... со своими деньгами! - я грохнула кулаком по столу, хотя очень хотелось заехать дражайшему папочке в глаз.

- Как хочешь, - он пожал плечами, - в любом случае, я бы не смог дать тебе слишком много. У нас сейчас тяжело с деньгами.

- Ненавижу вас! - гаркнула я под конец и, хлопнув дверью, выскочила в коридор.

Охр, мне непременно нужно было что-то разбить. Или растерзать. Разорвать в клочья. А слезы дождем лились из глаз, и, если бы я была в состоянии думать, то непременно бы их вытерла. Маги холода не плачут.

- Да пошли вы все, - пробормотала я, спускаясь по древней лестнице.

Меня тошнило; старые стены давили, грозя расплющить сознание. Было душно - так, что я рванула ворот рубахи, в стороны полетели маленькие костяные пуговицы.

- Сволочи, Хайо, какие же сволочи... - бессвязно бормоча, я вылетела во двор и бегом рванула к воротам. Повидаться с леди Валле и услышать от нее замечания насчет одежды? Нет уж, увольте. И все они... да, они еще пожалеют. Обязательно. Когда я стану великим магом, уважаемым магом, который создает неповторимые талисманы...

Безумие отступило уже на улице, я уселась на землю и задумалась. Да какой из меня маг холода? Ну просто никудышний. Из-за этой своей истерии я

отказалась от денег, которые предлагал отец, я не повидалась с мамой и сестрами. Охр. Нельзя так, нельзя.

Редкие прохожие глазели на меня с интересом, и мне стало стыдно. Сажу как нищенка какая-то перед воротами особняка Валле и рыдаю. Я поднялась, и, волоча за собой сумку, толкнула ворота – которые, естественно, оказались заперты.

– Мырька, – позвала я, – открой, а?

– Хозяин запретил вас пускать, – прозвучал глухой ответ гоблина.

– Э?... – только и смогла сказать я. На большее попросту не хватило сил.

Замечательно! Теперь я, дочь Мориса Валле, осталась на улице без гроша в кармане. Вернее, какая-то мелочь у меня была, но ее с трудом хватило бы на один обед. Наверное, зря я взяла дорогой билет на поезд, можно было бы и в дешевом вагоне ехать...

– Мырька, – я прикинула лбом к холодной створке, – Мыречка... пожалуйста... вынеси мне... из моей комнаты... там в бронзовой напольной вазе немного денег... Или нет. Попроси, чтобы Вилена вынесла, и еще смену белья. Сделаешь?

Гоблин засопел так громко, что было слышно даже сквозь ворота. А потом слышались неспешные удаляющиеся шаги.

О пришел через некоторое время, которое я провела все равно что на иголках. Приоткрыл ворота и протянул мне старательно завязанный узелок.

– Денег Вилена не нашла, – старик вздохнул, – она своих немного собрала. Ну, и одежда. И немного еды. Всего доброго, миледи.

– И тебе того же, – прошептала я, – прощай, Мырька. Наверное, больше не увидимся.

... Все, что у меня оставалось – визитная карточка брата Минервы.

Глава 2. Эльф, покинувший Лес

...Ритуал заключения военного союза позволяет выбрать из сотни охотников тех двоих, чьи души могут быть соединены. После этого прошедшие ритуал становятся друг для друга чем-то куда большим, нежели братья или друзья. Большим, гораздо большим, чем любовники: когда слиты воедино души, единение тел становится совершенно бессмысленным. Когда одному ничего не стоит оказаться в теле другого, когда тень и свет постоянно меняются местами – только и только тогда приходит осознание того, что союзник – это до конца жизни. Он никогда не бросит и не предаст, и ты никогда не будешь больше одинок.

Фиальван остался, даже когда тело его со всеми полагающимися почестями было предано огню, а пепел развеян среди величественных древ Великого леса. Он приходил прохладными ночами, когда его осиротевший союзник корчился на циновке от сжигающей изнутри боли, и от его света становилось чуть легче – но ненадолго. Поутру являлся глава Дома, задумчиво цокал языком, касался сухой мозолистой ладонью пылающего лба Хаэлли и раздраженно давал указания лекарю. И всем было понятно, почему Хаэлли не отправился вслед за Фиальваном сразу после его смерти: первые дни душа погибшего эльфа все еще была рядом с телом, и именно это позволило охотнику несколько дней кряду тащить волокуши. А теперь душа Фиальвана должна была отправиться под своды Крипты и, само собой, тащила за собой душу самого Хаэлли. Молодое тело охотника сопротивлялось, цепляясь за жизнь, но любому из Дома Охоты было ясно, что это ненадолго. Ничего не поделаешь, так всегда бывает, когда гибнет союзник.

Хаэлли и сам понимал, что медленно уходит прочь из мира, и что вовсе не полученные в бою раны тому виной – их исцелила Крипта, остались лишь едва заметные шрамы. Потрескавшимися губами он шептал главе Дома о том, что наверняка есть способ разорвать связь, чтобы отпустить Фиальвана. Тогда бы он, Хаэлли, поднялся и нашел морро, чего бы это ни стоило. Ведь иметь разгуливающего под боком морро – это куда хуже, чем нарушить традиции и дать покой только душе Фиальвана. Глава Дома возражал, напоминая о том, что теперь морро отправился к грязным авашири, и не представляет для эльфов никакой опасности, а тех тварей, что были рядом, Хаэлли убил. Ну и, кроме того, ритуала, разрывающего связь между союзниками, попросту не было описано ни

в одной из сохранившихся книг. Следовательно – его не существовало.

Но несколько дней спустя, одним солнечным утром, Хаэлли внезапно сел на постели, медленно спустил босые ноги на пол и замер, глядя в окно и не вполне веря происшедшему. Ему стало легче, жар ушел, боли прекратились. Глава Дома попытался выяснить, в чем причина, но Хаэлли безразлично пожал плечами. Кому плохо от того, что еще один охотник вернулся в ряды великих воинов?

Позволит ли он жрецам обследовать себя? Нет, пожалуй, незачем. Что он собирается делать? Пока что выздороветь, а потом, потом... Он будет продолжать исполнять свой священный долг, ради которого и был когда-то отдан Дому Охоты. О данной клятве Хаэлли пока предпочитал помалкивать.

Эльф никому не раскрыл истинной причины своего выздоровления. Фиальван остался с ним, теперь уже навсегда. Он поселился в самом светлом уголке памяти, где всегда цвел жасмин, а в зеркальной глади пруда отражались клены, покрытые молоденькими, клейкими еще листочками. Там, в воспоминаниях, не было места скорби, и каждое новое утро наступал исполненный торжества день, когда они заключили военный союз. Дух Фиальвана остался, предпочитая полную опасностей жизнь охотника покою Крипты.

Когда-то эльфы пришли в Великий лес. Никто не знал, откуда, об этом умалчивали древние книги, но, так или иначе, народ истинного света появился под этим высоким, хрустальным небосводом и обосновался там, где жить им было безопаснее всего. Первые сохранившиеся записи о походах эльфов на восток гласили о том, что среди уродливых и почти непригодных для жизни равнин воинам встречались странные, дикие существа, не владеющие членораздельной речью и одетые в звериные шкуры. Цвет кожи было невозможно разглядеть из-за покрывавшего ее толстого слоя грязи. Южнее воины света столкнулись с ордой зеленокожих, с которыми эльфы враждовали с часа сотворения всего сущего. На северо-востоке, среди горных цепей, обосновались карлики. Западнее Великого леса был только океан, безбрежный, непреодолимый.

Обследовав таким образом новый мир, эльфы успокоились и занялись дальнейшим обустройством собственного государства, изредка предпринимая

попытки обжить и равнины, потеснив при этом нецивилизованных соседей. Позже появилась великая царица, телесное воплощение Праматери Миенель-Далли. Она учила свой народ милосердию и терпимости, потому что, по ее мнению, именно этого недоставало детям истинного света. Потом, по прошествии еще нескольких столетий после упокоения царицы, откуда ни возьмись, появилась Крипта, ослепительно белая и чистая. А Дом Охоты... Он, похоже, всегда был с эльфами, даже когда они странствовали по иным мирам. Знание, хранимое в крови, нашептывало о том, что на страже границ всегда стояли те, кого называли охотниками.

Дом обосновался в семи древних секвойях, которые переплелись меж собой под действием магии, а потом, под воздействием тех же чар, изменили свою форму настолько, что внутри стволов образовались спирально закрученные анфилады комнат, муравейники скромных келий и просторные залы, в которых не постеснялся бы жить и сам Владыка. Раз в десять лет врата Дома открывались для того, чтобы принять на обучение мальчиков, достигших восьмилетнего возраста. Еще пять десятилетий из них неспешно готовили охотников, закаляя тело и дух, обогащая мозг драгоценным знанием. Желающих учиться было мало: не много чести для эльфа в том, чтобы отказаться от собственного рода и стать бессловесной собственностью Дома Охоты. Владыка предусмотрительно издал закон, в соответствии с которым каждый из благородных и древних родов раз в столетие должен отдать здорового мальчика на обучение. Одним из этих несчастных, лишенных надежды на будущее (а заодно и на наследство) мальчиков оказался Хаэлли Эль'Альдан Иммиро Тан.

...Силы быстро возвращались. Движения вновь стали стремительными и одновременно плавными, руки не дрожали, а клинок послушно выписывал самые немыслимые петли и восьмерки. Изматывая себя многочасовыми тренировками, Хаэлли пытался убить сразу двух зайцев: во-первых, подготовиться к долгому преследованию морро и финальной схватке, а во-вторых – хотя бы на время изгнать чувство вины.

Он не мог себе простить, что позволил Фиальвану одному шагнуть в темноту, в заросли. На самом деле на месте Фиальвана должен был быть он, ведь сперва они именно так и порешили. Морро – слишком опасная тварь, и поэтому первым идет опытный Хаэлли, а более молодой Фиальван прикрывает спину. Потом Фиальван вдруг сказал:

– Нет, погоди. Если так будет продолжаться и дальше, я ничему не научусь. Позволь мне идти первым.

И Хаэлли позволил, согласившись с союзником, что, бредя по чужим следам мало чего постигнешь. Фиальван нырнул в темные заросли, а через мгновение попросту исчез, как будто его силой выдернули в другой план бытия. Хаэлли почувствовал его смерть, рванулся навстречу боли, слепяще-острой как удар честного эльфийского клинка... И увидел Фиальвана. Эльф распростерся лицом вниз, руки разбросаны крестом, у основания черепа – глубокий черный провал. А еще через мгновение на самого Хаэлли напало чудовище. Но не морро, нет. Кто-то из тех, что частенько крутится рядом, чувствуя могущество самой страшной твари этого мира.

Хаэлли скрипел зубами, а меч пел в его руке, предвкушая скорую битву. Он обязательно пройдет по следу морро, отыщет тех, кто сталкивался с опасной тварью, и тогда Фиальван будет отомщен. О том, что будет потом, Хаэлли старался не думать, но для себя уже решил, что не будет противиться тому покою, что сулила Крипта.

...На гладкий деревянный пол упала косая тень. Хаэлли сжался стальной пружиной, готовясь к атаке, но затем глубоко вдохнул-выдохнул. Какие враги могут быть в пределах Дома? Обернувшись, эльф увидел одного из юных послушников, имени которого даже не помнил. Внешность этого будущего охотника тоже была настолько эльфийской, что воспроизвести черты юноши по памяти казалось задачей почти непосильной.

– Ниллан Иммиро Тан, – послушник обратился к нему со всеми полагающимися формальностями, – я хочу кое-что тебе сообщить. Вернее, я не должен этого делать, но мне кажется, что так будет правильно.

Хаэлли осторожно опустил меч в ножны и, разминая натруженные ладони, направился к юноше, мучительно пытаясь припомнить его имя. Но вместо имени была пустота: он помнил лишь, что этот мальчик отличался примерным повиновением и услужливостью, а еще через несколько секунд Хаэлли вспомнил, что именно за это и недолюбливали послушника старшие. Когда сладкого слишком много, это тоже плохо.

– Что тебе? – мягко спросил он.

Юноша быстро огляделся и, убедившись, что они совершенно одни, быстро сказал:

– Мне, верно, не следует лезть не в свои дела, ниллан, но я уже решился. Вчера вечером я слышал, как приходил жрец и требовал, чтобы наш Глава выдал тебя Хранителям Крипты для выяснения некоторых обстоятельств твоего выздоровления.

Хаэлли замер. Вот оно, значит, как. Впрочем, неудивительно: он просто не должен был выжить после гибели Фиальвана. И Верховному жрецу стало интересно – а что это такого сделал простой охотник, что дух союзника перестал тянуть его прочь из этого мира?

– И что ответил Глава Дома? – почти беззвучно, одними губами прошептал он, глядя сквозь послушника.

Юноша опустил глаза.

– Он ответил, что пока не разобрался во всем сам. Но как только разберется, почтенные хранители могут тебя забирать.

– Ты сделал доброе дело, – Хаэлли стало стыдно оттого, что не помнит имени этого честного мальчика, – я благодарен тебе.

Послушник быстро кивнул и, механически вытирая вспотевшие ладони о подол светло-серой туники, широким шагом вышел прочь.

Хаэлли остался один, потом ему сделалось невыносимо душно в одном из самых величественных залов Дома, и он вышел на террасу, туда, где в лицо веяло прохладой и запахом хвои.

События начинали развиваться самым неблагоприятным образом: жрецы потребовали себе любопытный экземпляр эльфа, и это значило, что там Хаэлли разберут по косточкам, чтобы докопаться до истины. А Глава Дома, каким бы светлым и справедливым он не был, никогда не пойдет против воли Верховного, он отдаст одного из лучших и одаренных охотников и даже больше – сам будет живо интересоваться, как там дела. Из всего этого следовало, что морро так и

останется непойманным, а Фиальван – не отомщенным. Глядя на эльфийский лес с высоты террасы, Хэлли задумчиво потирал подбородок. Покинуть самовольно Дом? Великая Далли, что за бред! Позволить жрецам изрезать себя на куски? Это, конечно, правильно – охотник обязан повиноваться воле главы Дома, но... Это же бред еще больший...

«А ты что об этом думаешь?» – мысленно спросил он у Фиальвана.

Союзник, само собой, молчал. Хаэлли не видел и не слышал его, но о том, что Фиальван с ним, просто знал по знакомому ощущению присутствия.

– Все, что мне нужно для славной охоты, я мог бы сделать и сам, – задумчиво пробормотал Хаэлли, – с другой стороны, я мог бы взять все это и в хранилище.

И он, не теряя более ни минуты, приступил к сборам, жалея лишь о том, что не осталось времени взглянуть на дом, где родился и провел первые годы жизни.

Хаэлли взял с собой книгу с образцами рун, оживить которые могла даже его слабая магия охотника. Он незаметно позаимствовал сумку с видящими, хотя его знаний и умений вполне хватало, чтобы этот незаменимый в охоте на морро прибор собрать самостоятельно. И, конечно же, он не забыл взять ритуальный меч – единственное в мире оружие, способное убить тварь извне. Последним аккордом сборов стали подделка приказа Главы Дома и визит в питомник грифонов, где Хаэлли позволили выбрать самое быстрое животное.

Но взмывая в безоблачное небо, охотник подумал, что – странно! – его не покидает ощущение чего-то неправильного, происходящего с ним. Никто не пытался его задержать. Ни единая душа не следила за эльфом, приговоренным к встрече с хранителями Крипты, как будто для самого Главы заключенный им же договор был новостью.

Оказавшись за пределами Великого леса, Хаэлли отпустил грифона. Благородный зверь бесполезен в лесной чаще, а привлекать к себе излишнее внимание людских магов, кружа в небе, Хаэлли было не с руки. К тому же, грифона нужно было кормить, а ел он непомерно много, как и всякая тварь, синтезированная при помощи чар. Похлопав грифона по белоснежной холке,

эльф отдал ему приказ возвращаться.

Он долго стоял и смотрел на белую точку, удаляющуюся на запад, а потом двинулся на восток, прислушиваясь и принюхиваясь к новому лесу. Приходилось невольно мириться с тем, что видящие хранили безмолвие, а, следовательно, ему улыбалось долгое и неприятное путешествие по землям авашири.

Лес, в котором очутился эльф, так же мало походил на своего великого сородича, как отвратительная крыса на благородного скакуна. Деревья здесь были низкие, словно земля не давала им пить свой сок в достаточном количестве. Трава, несмотря на разгар весны, казалась вялой и бесцветной, повсюду торчали коряги и трухлявые пни, а вот животные на удивление были агрессивными и начинали неохотно пятиться лишь тогда, когда Хаэлли приказывал им повернуть.

Несколько раз, бесцельно бредя на восток, Хаэлли натыкался на жалкие, грязные селения, в которых муравьями сновали авашири. Эльф наблюдал за тем, как в лужах рядом со свиньями копошатся дети, как делят добычу мужчины, как низкорослые, неопрятные женщины ведут немудреное хозяйство. После созерцания чужой и чуждой жизни эльфу хотелось по меньшей мере искупаться; ему казалось, что грязь этого муравейника липнет к нему, а потому испытывал отвращение – и к хозяевам эльфийских когда-то земель, и к самому себе.

Однажды Хаэлли шел по краю болота, старательно обходя трясины. Он услышал, как кто-то, задыхаясь, зовет на помощь. Это было недалеко, эльф подобрался к источнику звука – в двух шагах от твердой земли тонул молодой авашири, совершенно по-дурацки молотя руками по ряске и расплескивая вокруг себя черную болотную жижу. Глядя на то, как медленно погибает человек, Хаэлли мысленно подивился тому, что вообще пошел на крики. В конце концов, ему не было совершенно никакого дела до этих ничтожных, грязных авашири. Он должен был искать морро, а не изучать повадки чужого народа. Хаэлли повернулся и пошел прочь от трясины, стараясь не обращать внимания на раздражающие вопли. Впрочем, они очень скоро смолкли, и эльф наконец смог сосредоточиться на собственном пути.

Еще несколько дней он успешно продвигался на восток. Чутье подсказывало Хаэлли, что его враг двинулся именно туда, вглубь испорченных авашири земель. Там ему была обильная пища, там ему никто не смог бы противостоять; и морро, само собой, должен был стремиться туда, где ему не будет угрожать

никакая опасность. Туда, где скорее всего он сможет встретить и виновника своего появления в этом мире. Существовали, конечно, маги авашири, но Хаэлли был слишком низкого мнения об их способностях и умениях, чтобы воспринимать всерьез.

А потом он попал в ловушку.

Уже само по себе это было большой неприятностью, а уж учитывая то, сколько дней он шел, играючи обходя и медвежьи ямы, и капканы, вообще казалось шуткой темных сил Бездны. Но с фактами не поспоришь – и вот уже Хаэлли болтается высоко над землей, подвешенный в прочной сетке. Выхватить кинжал и вспороть плохие веревки было делом нескольких мгновений, Хаэлли, ухватившись за край сетки, повис на руках, собираясь мягко спрыгнуть на землю... Но тут появились авашири, все, как один, вооруженные.

Горстка варваров не напугает воспитанника Дома Охоты. Он мягко приземлился, выхватил меч, и одновременно воззвал к лесу, пусть не Великому, но все же.

«Ага», – удовлетворенно подумал Хаэлли, наблюдая за тем, как взвились к древесным кронам побеги плюща и сотнями змей попадали на головы врагов. Если приказать плющу опутать противника живой сетью, тот сделает это с превеликим удовольствием; половина атакующих сразу оказалась выведена из строя. А вот вторая половина храбро бросилась в бой, и тут уж меч Хаэлли торжествующе запел, купаясь в горячей крови авашири. Сам эльф не получил и царапины, а вот люди попятились, и в их взглядах бился, пульсировал ужас.

Хаэлли презрительно оглядел все это горе-воинство и медленно попятился, собираясь исчезнуть в зарослях так, как это умеют делать эльфы. Авашири провожали его ненавидящими взглядами, но снова атаковать не решались: уж больно велики оказались потери.

«То-то же», – эльф невольно улыбнулся, делая последний шаг к зеленой завесе.

И внезапно пошатнулся. Грудь пронзила острая боль, жаркой волной омыла сознание. Удивленно опустив глаза, Хаэлли увидел, что из-под правой ключицы торчит оперение стрелы. Само по себе это не казалось странным, ведь никто не запрещал авашири стрелять из лука, но... Стрела была определенно эльфийской.

...Матушка смотрит жалостливо. В ее огромных глазах цвета молодой листвы дрожат слезы. Тонкие пальцы, униженные перстнями, тоже дрожат, и руки холодны как та мраморная скамья в саду.

– Скоро тебе предстоит оставить наш дом, сын мой, чтобы обрести дом новый. Молчи и не задавай лишних вопросов, я ничего не могу изменить. Такова воля Владыки.

Очень, просто невыносимо хочется взбежать по ступеням и обнять матушку за пояс, уткнувшись носом в подол жесткого парчового платья, но, подняв глаза, Хаэлли словно на незримую стену наталкивается на строгий взгляд отца. Нельзя. Он – потомок великого рода, и должен уметь держать себя в руках.

– Тебе уготована великая судьба, – медленно, с нажимом произносит отец, – ты станешь защитником своего народа от тварей извне. Ты должен гордиться.

Хаэлли с трудом выпрямляется, гордо вскидывает подбородок. Да, да, он должен, обязательно должен гордиться своим уже кем-то предрешенным будущим.

– Наш род продолжит твой младший брат, – поспешно добавляет мать, как будто извиняясь за что-то, – ты же посвятишь свою жизнь Дому Охоты.

Где-то он уже слышал о Доме. Даже видел однажды эльфа, воспитанника сего заведения: воин был невероятно ловок и силен, каждое его движение казалось отточенным и выверенным. Тогда вокруг шушукались, что, мол, охотник Дома.

«Значит, я тоже стану таким?»

Это было бы здорово. Все знакомые мальчишки будут завидовать, они и без того завидуют: никто так ловко не может метнуть нож, как Хаэлли. Радость пенится сотнями маленьких пузырьков, и Хаэлли ловит себя на том, что улыбается. Матушка, видя, что он доволен, тоже выдавливает вымученную улыбку. Странно, отчего она печальна, когда судьба ее старшего сына так хорошо устроилась? Неужели он упустил нечто важное, недосказанное в этом коротком

официальном разговоре?

- Я буду вас навещать, - внезапно смутившись, бормочет Хаэлли.

- Нет, - в глазах отца появляется знакомый стальной блеск, - ты не сможешь нас навещать, Хаэлли Эль'Альдан Иммиро Тан. До конца своих дней ты будешь принадлежать Дому, и в этом твое предназначение.

- Матушка? - голос предательски дрожит, - как же так?

Она молча кивает. В глазах, волшебных, неповторимых, дрожат непролитые слезы. Наверное, она будет плакать, но не сейчас, не при отце - а потом, когда останется одна. Очень, нестерпимо хочется подбежать и, обняв ее за тонкую талию, уткнуться носом в парчовый подол. Но это - недопустимо для отпрыска древнего и могущественного рода. Поэтому Хаэлли, прикусив губу, кланяется отцу и, развернувшись на каблуках, уходит прочь.

Он вынырнул из синего, прохладного озера воспоминаний, но вместо воздуха в легких почувствовал магию - чужую, мерзкую, как будто в трахею забралась толстая змея и, засев там, продолжала раздуваться до немыслимых размеров.

- Вассветлость, остроухий оцнулся, - проскрипел кто-то над ухом, - погодите ессе, сейсяс я все выциссю. Все будет в полном порядке, и не сомневайтесь, вассветлость.

Он не мог дышать. Не мог пошевелиться. Не мог даже осмотреться, на глаза предусмотрительно наложили повязку. А чужая магия продолжала раздуваться в груди, заполняя собой все пространство под ребрами, расплющивая сердце, пронзая легкие ядовитыми шипами. Рассудок заметался беспомощно, ища выхода или хотя бы забвения. Совершенно не соображая, что делает, Хаэлли напрягся и... усилием воли вытолкнул змею вместе с дыханием. Рядом кто-то оглушительно взвизгнул.

- А! Охрово отродье! Нет-нет, не беспокойтесь, вассветлость, все будет хоросо. Мерзавец сопротивляется моей магии, но нисего, нисего-о-о...

– Подлатай его ровно настолько, чтобы мог ответить на все мои вопросы, – прозвучало с другой стороны, – мне плевать, сколько еще этот эльфийка протянет.

– Хорошо, хорошо, вассветлость.

И вновь горло начало заполняться ощущением мерзкого, чуждого волшебства. Оно медленно поползло вниз, свернуло в трахею и продолжило путь к легким, не давая ни вдохнуть ни выдохнуть. Хаэлли сжался, стараясь вытолкнуть из себя волшебство авашири, но тут же получил такой удар в скулу, что на мгновение погрузился во тьму – все равно что нырнул в глубокий омут под мостом в отцовском саду. Выплыл наверх, к свету, и, напроочь позабыв о том, что охотник должен уметь переносить любую боль, завопил. Страшная змея раздулась, наполнив ядом легкие, превратив их в две полные углей жаровни. Хаэлли кричал, выворачивая запястья, пытаясь освободиться из страшных пут, ломая ногти, сдирая кожу, колотясь затылком о жесткий лежак. В какой-то миг ему показалось, что вот сейчас сердце не выдержит, он просто умрет, и все закончится, но ничего не происходило. Кошмарная тварь чужой магии по-прежнему была в нем, хозяйничала в его теле, заставляя извиваться и кричать самым постыдным образом.

– Ну вот, вассветлость. Вы довольны?

Боль медленно угасала, волнами прокатываясь по телу. Хватая ртом воздух, он с трудом разбирал, о чем говорят ненавистные авашири.

– Ты свое дело знаешь, лекарь.

Послышался сочный, тяжелый звон монет.

– Сколько он протянет?

– Не знаю точно, вассветлость. Все зависит от того, насколько бережно вы будете с ним обраться... Рана закрылась, а там кто знает...

– Все равно, ты славно потрудился. А теперь пошел вон, я хочу поговорить с этим остроухом по душам. Эй, бездельники, поднимите его.

Поверхность, к которой был привязан Хаэлли, наклонилась и, скрипя, приняла вертикальное положение. Повязку сдернули, эльф заморгал на багровый свет факелов, а как только глаза привыкли к темноте, разглядел и своего мучителя.

Им оказался типичный образчик авашири, грязный, с грубым, словно вытесанным из деревянного чурбака лицом и рыжими сальными волосами, Лес ведает сколько не знавшими мыла.

– Ну-с, мой остроухий друг, – авашири потер ладони друг о дружку. Пальцы у него оказались толстыми, короткими и волосатыми, и этого было с лихвой достаточно, чтобы вызвать отвращение, – должен сказать, ты меня расстроил. Просто невероятно расстроил, покروшив моих людей, а других задушив своими треклятыми эльфийскими заклинаниями. Поэтому я буду тебя пытать как для собственного удовольствия, так и для того, чтобы узнать, какого охра ты делаешь в моем лесу. Здесь, знаешь ли, и полукровку нечасто встретишь, не говоря уже о настоящем эльфе. Ты ведь настоящий, я не ошибся?.. Молчишь? Ну и ладно. Скоро запоешь как соловей. Ну, скотина, что уставился? Колдовать пробуешь? Не выйдет, здесь нет ничего, кроме камня.

Человек прошелся туда-сюда, поглядывая в сторону замершего Хаэлли, затем остановился и, обведя широким жестом подземелье, вкрадчиво сказал:

– А ты знаешь, сколько подобных тебе издохло под этими сводами? Думаю, догадываешься... Не страшно?

И тут Хаэлли понял одну странную, почти невероятную вещь: раньше он был слишком хорошего мнения об авашири. Даже когда считал их тупыми, грязными животными. Все оказалось намного хуже: они были не только примитивны, но еще и полностью отвернулись от света, не принимая его в своих грязных, похожих на выгребные ямы сердцах. Нет, разумеется, эльфы убивали, но делали это быстро и спокойно, не придавая убийству никакого значения, кроме того, что враг уничтожен. Но этот человек... это чудовище – великая Далли, он же искренне гордился тем, что по его приказу здесь были замучены десятки, если не сотни его же соплеменников. И те воспоминания, что отражались на недоразвитой физиономии авашири – это были воспоминания о том удовольствии, которое он получал, убивая не в бою, а вытягивая жизнь медленно, по капле.

«А как же морро?» – мелькнула короткая и слепящая, как вспышка молнии, мысль, – «получается, что я уже не смогу отомстить за Фиальвана?»

Выходило, что так. Но Хаэлли вдруг подумал, что его союзник не обидится. А потом они снова встретятся под сводами Крипты, и тогда настанет великий, вечный сон.

– Ты – грязь под моими ногами. Ты не стоишь даже моих мыслей, – прошептал Хаэлли на родном языке. А потом, собравшись с силами, повторил на языке авашири. Может быть, даже с ошибками – преподаватели Дома и сами не шибко хорошо знали этот язык – но человек его понял.

– Ты будешь визжать, умоляя о пощаде, – пообещал он, – то, что с тобой сделал мой лекарь, было только началом.

Хаэлли закрыл глаза и постарался думать о том, что его матушка по-прежнему прекрасна, отец – все так же строг, а Риальвэ, младшему брату, уже нашли подходящую невесту. Но у Хаэлли было слишком мало красивых воспоминаний, его слишком рано забрали в Дом Охоты, и потому эльф отчаянно цеплялся за любую мелочь, которая могла его отвлечь: за гладкие резные перила мостика в саду, за первую драку с соседскими мальчишками, из которой он вышел победителем, и даже за огромное алое яблоко, которое он находил на столике рядом с кроватью. Он знал, что сочный плод приносит и оставляет матушка, и вместе с красивым яблоком она оставляла своему сыну частичку бескрайней, как океан, любви.

Вся беда была в том, что авашири слишком рьяно приступил к выполнению своего последнего обещания, и через несколько дней Хаэлли уже знал, что скоро очнется под сводами Крипты. Ему стало тяжело дышать, как будто легкие уже не принимали отравленный воздух казематов, кровавый туман перед глазами почти не рассеивался. Хаэлли с отчаянием утопающего продолжал цепляться за воспоминания, и, пожалуй, единственное, что ему еще хотелось – так это в последний раз увидеть дом, в котором появился на свет.

– Нашел, чем удивить, – сказал однажды кто-то рядом, – или думаешь, я мяса не видел?

– Это эльф! – возмутился знакомый голос, – эльф, понимаешь? В моих землях!

– В любом случае, это подыхающий эльф. Вот я и говорю, мой любезный Ариас, меня этим не удивишь.

Оказывается, так звали палача, и Хаэлли вяло удивился тому, что такому ничтожеству при рождении было дано благозвучное в общем-то имя.

– Я думал...

– Вот это, пожалуй, отменная новость. Ты думал, Ариас?

– Я думал, что узнаю, что он здесь делал. Из его груди выдернули эльфийскую стрелу, мой дражайший Лерий, а это уже кое-что да значит.

– Действительно, – задумчиво сказал незнакомец, – насколько мне известно, наши остроухие соседи подобными вещами не слишком-то увлекаются. Ну и что, много узнал?

– Увы.

– А глаза зачем ему завязал?

– Не нравится мне, как он на меня смотрит, – Ариас забормотал торопливо, смущенно, – у него такие глазищи злые, что мне так и кажется – волшбу творит, зараза... А сколько он моих парней уложил! Это ж просто жуть. Если бы не эта стрела, то так и ушел бы, сволочь остроухая.

– А магов-дознателей не пробовал позвать? – быстро спросил Лерий, – ах да, забыл, они же золота много берут за услуги, а ты, мой любезный, человек весьма и весьма экономный. Ну, как бы там ни было, сейчас у тебя на руках подыхающий эльф. Через день-другой будет простодохлый.

– Что есть, – злобно огрызнулся авашири, – у меня и в мыслях не было, что они... такие.

– Какие приспособления из своего замечательного арсенала ты еще на нем не испробовал?

Воцарилось долгое молчание, Ариас не ответил.

– А знаешь что, – вдруг предложил Лерий, – продай мне его.

– На охра он тебе?

И тут авашири сказал такое, что Хаэлли дернулся и всем сердцем возжелал умереть. Прямо сейчас и ни секундой позже.

– Я слышал, что эльфийские мужчины в постели еще лучше наших девок.

В подземелье повисла тишина, щекочущая нервы и пропитанная недоверием. Наконец Ариас откашлялся.

– Я, конечно, многое о тебе слышал, любезный Лерий, но что-то не припомню, чтобы ты на мальчиков поглядывал.

– Всегда что-нибудь случается в первый раз, – притворно вздохнул авашири, – я его подлатаю, а потом еще и тебя в гости позову. Ну что, по рукам?

– Триста, – внезапно охрипнув, брякнул Ариас.

– У тебя нет совести, мой любезный. Продавать падаль за такие деньги? Я даже не уверен, найдется ли лекарь, способный поднять его на ноги.

– А тебе на ноги ставить и не надо, любезный мой, если ты действительно собираешься использовать остроухого так, как говоришь.

– И то правда, – внезапно согласился Лерий, – но все-таки двести золотых, Ариас, не больше.

Мысли Хаэлли текли медленно и плавно как равнинная река. Торг закончился, продавец и покупатель сошлись на двухстах пятидесяти монетах. Хаэлли

перешел в собственность авашири по имени Лерий. Что дальше? Вернее, куда еще ниже? Его купили как подстилку для развлечений. И Хаэлли остро жалел о том, что не умер раньше. О том, что милостивая Миенель-Далли, похоже, повернулась к нему своим незрячим ликом.

...А потом его, не снимая повязки с глаз, вынесли на свежий воздух, уложили осторожно на упругое ложе и куда-то повезли. Хаэлли почувствовал, что медленно начинает плыть, уходя все дальше и дальше во мрак, и ему очень хотелось верить, что это конец всему.

Увы.

Похоже, ему снова не дали воссоединиться с духами предков.

Поднять веки оказалось невыносимо тяжело, как будто на каждом повисло по пригоршне сырой глины. Вокруг плавали клочья розоватого тумана, боль привычно обнимала истерзанное тело, дергая в раздавленных пальцах и перебитых руках. Но вместе с этим дышалось легко: вокруг было много свежего воздуха, а еще – горьковатый аромат духов. Хаэлли открыл глаза и уставился на женщину авашири, склонившуюся к нему. Она была немолода, но все еще довольно красива даже по эльфийским меркам, ее огненно-рыжие волосы мелкими колечками обрамляли лишенное загара лицо и рассыпались по пышному белому воротнику под горло. В ушах сверкали изумруды. А за ее спиной маячил высокий черноволосый мужчина с лицом грубым и решительным. Он молчал и глядел прямо в глаза Хаэлли, как будто хотел в них что-то прочесть.

– Милорд, мое сердце обливается кровью, когда я смотрю на весь этот кошмар, – мягко произнесла женщина, – в конце концов, это просто отвратительно! И после этого мы еще жалуемся, что жители Великого леса принимают нас за скотину.

– Вы сможете что-нибудь сделать?

Хаэлли сжался. Голос принадлежал человеку, купившему его. Но, к собственному удивлению, Хаэлли не чувствовал к нему того острого отвращения, которое должен был. Авашири и авашири, не более. Железная воля

в темных глазах, в каждом движении. Он привык, чтобы ему подчинялись. А те, кто смел воспротивиться, долго не жили.

– Милорд, я постараюсь. Но, право же, не могу ничего обещать. Одни источники утверждают, что эльфы довольно живучи, другие – наоборот, что они как хрупкая ваза. Разбив единожды, уже не склеишь.

– Я склонен согласиться с первыми, – Лерий недобро усмехнулся, – если этот остроухий молодчик до сих пор жив, значит, будет жить и дальше.

– Где вы его подобрали, барон?

– Ах, милая моя, разве это так важно?

Она пожала плечами.

– Я вижу, что его изувечили намеренно, ваша светлость. И, если бы не наше давнее знакомство, непременно донесла бы...

– Но, душа моя, вы же этого не сделаете? – голос Лерия ласкал как самый дорогой бархат, – окажите мне маленькую услугу, моя милая, и я в долгу не останусь...

Он наклонился и что-то быстро прошептал на ухо рыжеволосой женщине, отчего на ее бледных щеках проклюнулся нежный румянец.

– Я всегда подозревала, что вы большой выдумщик, ваша светлость.

– Какой есть, моя дорогая, бриллиант моего сердца.

– У вас слишком много подобных бриллиантов, – заметила женщина, – но все же я сделаю то, о чем вы просите.

– Ну а я в долгу не останусь, – пообещал мужчина, – оставляю вас, дорогая, наедине с этим несчастным.

...И он вышел, тихо притворив за собой дверь. А Хаэлли, с ужасом глядя на эту человеческую женщину, понял, что она – маг, и что сейчас, скорее всего, повторится то, что с ним уже делал другой маг. Змея, распухающая в груди. Наверное, ужас перед неотвратимым отразился на его лице, потому что магичка озадаченно уставилась на него.

– О. Вы боитесь меня, мой хороший? Право же, не стоит. Я не знаю, кто с вами проделал весь этот кошмар, не знаю, за что, но поверьте – я приложу все силы, чтобы исправить содеянное.

Она улыбнулась и опустила руку ему на грудь. Хаэлли захотелось превратиться в дым и тонкой струйкой просочиться в окно. Прикосновение было нежным, но от этого становилось только хуже, и внезапно эльф понял, что больше этого не вынесет. Все. Хватит.

– Н-не надо, – прохрипел он, – не надо. По... звольте... мне уйти.

– Почему вы так говорите, мой хороший? Я пообещала его светлости, что постараюсь вас вылечить.

– Я не хочу...

– Но, позвольте, я обещала, – женщина мягко улыбнулась, – а я всегда выполняю то, что пообещала. Иногда даже в ущерб собственным интересам. Давайте договоримся. Я вас вылечу – ну или хотя бы попытаюсь – а уж потом вы делайте то, что считаете нужным.

Хаэлли скрипнул зубами. И, едва не заорав от страшной, дергающей боли в искалеченных конечностях, оторвал руку от кровати и положил распухшие, посиневшие пальцы на тонкое запястье.

– Вы... вы знаете, для чего меня хотите лечить?

Она нахмурилась.

– Если вы, мой хороший, будете так себя вести, я попрошу, чтобы вас связали. Не добавляйте мне работы.

– Нет! – он почти выкрикнул, – вы знаете?! Он... сказал вам?

Магичка задумчиво покачала головой.

– Я понятия не имею, что вы там себе возомнили, но мне его светлость сказал, что хочет заключить с вами сделку.

– Оставьте меня, – Хаэлли уронил руку на простыню, – Миенель-Далли, я просто хочу сдохнуть. Как можно... скорее.

– Ну что за глупости, мой хороший, – с раздражающим спокойствием урезонила его женщина, – лучше мы поступим вот как: вы поспите, а я пока сделаю то, что нужно. Договорились?

Ее рука по-прежнему лежала у него на груди. От кончиков пальцев по коже растекалось приятное тепло. Хаэлли ждал змею.

– По-моему, эльфы слишком для нас замысловатые, – пробормотала женщина, – немудрено, что они считают нас варварами...

Внезапно эльф почувствовал, как глаза начали слипаться. Но это было не беспамятство, а всего лишь крепкий сон.

Когда он проснулся, рыжеволосая авашири все так же сидела над ним, но выглядела удручающе: под глазами залегли глубокие тени, губы сделались серыми, дыхание со свистом вырывалось изо рта. Еще через мгновение Хаэлли понял, что у него больше ничего не болит. Совсем ничего. Его опутала слабость, он едва мог шевельнуться. Медленно поднял руку к глазам и не узнал собственных пальцев, за последние дни он успел привыкнуть к багровым подушкам, вросшим в непомерно распухшую ладонь. Эльф перевел взгляд на женщину – она тихо плакала, глотая слезы, потом порывисто наклонилась и поцеловала его в лоб.

– Как же ты прекрасен!

– Зачем, зачем вы это сделали? Ради чего? – прошептал он в ее мягкие, как пух, волосы, – что меня теперь ждет?

После того, что магичка сделала с ним, в ее теле осталось слишком мало жизни. И теперь она могла умереть, отдавая свою энергию совершенно незнакомому эльфу – и не потому, что «пообещала его светлости». В жизни этой женщины всегда было чересчур много чужих страданий, которые она, не колеблясь, взваливала на свои узкие плечи. Эльфы так не поступали. Никогда. И всегда были одиноки, купаясь, как звезды, в собственном свете.

Хаэлли подумал о том, что окончательно перестал понимать людей. А спустя несколько минут в комнату ворвался «его светлость», обнял за талию женщину, помогая ей подняться, и повел прочь, даже не взглянув на исцеленную собственность.

– Я хочу вина, – пробормотала магичка словно в полусне, – много вина, Лерий. И поесть. Пожалуй, я останусь у тебя на ночь, мне нужно, чтобы рядом кто-то был... после того, что я увидела. За что это с ним сделали, за что?

То были самые странные дни в жизни Хаэлли. Его никто не трогал. С ним не разговаривали. Он мог беспрепятственно бродить по территории замка, который, как выяснилось, был возведен на остатках эльфийской цитадели, когда-то разрушенной авашири. Наверное, он мог бы даже взять и уйти, но почему-то не делал этого. Несколько раз Хаэлли издали видел Лерия, который всегда был в компании то торговцев, то, если судить по одежде, таких же нобелей, как и он сам.

Эльф смотрел и слушал. Над людскими землями плыло лето, знойное, душное, словно явившееся из далеких пустынь. Сюда не доносились запахи родного леса, и от этого было тяжело, как будто от сердца отрезали кусок и выбросили прочь. Порой Хаэлли ловил взгляды горничной, беспокойные и любопытные одновременно, и от этих странных взглядов ему тоже становилось не по себе. Эльфы были ему понятны, авашири – нет. Он оказался в центре пустоты, все равно что слепой среди глухих.

Хаэлли частенько задавался одним и тем же вопросом: почему он до сих пор не ушел из этого замка. И раз за разом он не мог дать самому себе хоть сколь-нибудь вразумительный ответ: странное и недоброе предчувствие заставляло ждать. А между тем его кормили, поили и одевали, пока что ничего не требуя

взамен, и это было мучительно для эльфа, который привык думать об авашири не иначе как о грязи под ногами.

Но когда, наконец, «его светлость» соизволил пригласить своего пленника на светскую беседу, Хаэлли внутренне сжался. Он попросту не знал, как себя вести дальше.

Лерий сидел за роскошным письменным столом и перебирал бумаги. Убранство кабинета оказалось под стать столу, хотя, на взгляд Хаэлли, это показное богатство было столь же тяжеловесным, как и поступь его светлости. Эльф задержался на пороге, дожидаясь, пока хозяин соизволит его заметить, а затем, когда Лерий оторвался от бумаг и коротко кивнул в знак приветствия, неслышно прошел внутрь и остановился посреди комнаты.

– Я вижу, ты поправился, – быстро сказал авашири, – посему буду краток. Я спас твою жизнь, остроухий, и по вашим обычаям могу владеть и распоряжаться тобой как рабом. Молчи, я прекрасно понимаю, что ты скорее удавишься, и будешь абсолютно прав. Тем не менее, у меня есть к тебе предложение. Уж не знаю, за каким охром тебя занесло в Веранту, но мне на это плевать. Раз ты здесь, значит, тебе это было очень нужно, и, подозреваю, ты не прочь здесь задержаться. Мне, в свою очередь, нужен умелый и молчаливый человек для некоторых... гм... услуг. Я закажу тебе фальшивые документы, ты будешь совершенно открыто жить здесь, в Шварцштейне и делать то, ради чего сюда явился. В обмен на это ты будешь время от времени выполнять мои поручения. Обдумай как следует, прежде чем ответить.

Хаэлли качнул головой.

– Здесь нечего думать, авашири. У нас не может быть ничего общего. Если хочешь, то можешь меня убить, я не дорожу своей жизнью так, как вы.

Лерий приподнял широкие, черные как смоль, брови.

– А почему? Почему ты не хочешь заключить взаимовыгодную, на мой взгляд, сделку?

– Я уже сказал, – Хаэлли снизошел до короткого, учтивого поклона.

– Любопытно, м-да.

Человек положил на стол большие, сильные руки, и уставился на Хаэлли так, словно видел впервые.

– Что же ты тогда будешь делать, а? Кстати, как тебя зовут? Ариасу ты не изволил представиться.

– Я выполню то, зачем пришел в эти земли, а потом вернусь... – и Хаэлли запнулся.

Стрела. Эльфийская стрела, угодившая ему в легкое. Кто-то ведь пустил ее, кто-то из своих?!!

Лерий усмехнулся, затем неторопливо поднял руки, сложил ладони домиком.

– Куда же ты вернешься, мой прекрасный эльф? Если то, что о тебе сказал мой приятель Ариас, правда, то тебе возвращаться некуда. Те, кто хотел твоей смерти, пока что не преуспели, и, как мне кажется, им это известно. Нетрудно нанять мага, который скажет – мол, жив еще тот эльф. И как ты теперь намерен поступить?

Чтобы выиграть время, Хаэлли принялся разглядывать лепнину на потолке, такую же роскошную и бесвкусную, как и все в этом кабинете. Вот она, истинная суть людей: больше позолоты, и плевать, как все это выглядит в итоге.

– Молчишь, – тихо сказал его светлость, – почему ты не хочешь поработать на меня? Что тебе мешает? Хваленое эльфийское чувство превосходства?

– Вы... другие, – нерешительно пробормотал эльф.

– Другие? И чем же это мы другие? Те, кто пустили тебе в грудь стрелу из кустов, чем они лучше нас?

– Они не упивались моей болью так, как это делал ваш приятель, – не выдержал Хаэлли, – они хотели просто убить меня, быстро и без особых мучений. Народ света никогда не будет заниматься тем, чем занимаетесь вы...

– И поэтому мы все – не более чем дерьмо у вас под ногами? – вкрадчиво уточнил Лерий, – что ж, я понял. Гордый эльф скорее издохнет, чем будет служить человеку. Так?

Хаэлли молча кивнул.

Лерий откинулся на спинку стула, поглаживая холеную, клинышком, бородку.

– Тогда отправляйся на все четыре стороны, гордый эльф, – вдруг сказал он, – я не буду более тебя задерживать.

– Что? – Хаэлли не поверил собственным ушам.

– Ты достаточно хорошо знаешь людей, – насмешливо продолжил Лерий, – Ариас преподнес тебе интересный во всех отношениях урок. Что ж, так тому и быть. Только было бы неплохо, если бы ты временами вспоминал ту женщину, которая тебя вылечила. Тебе не кажется, что она была немного другой?

Хаэлли замер, а дурное предчувствие уже разливалось в душе бушующим морем. Она была немного другой. Была...

– Что с ней?

Кажется, Лерий ждал именно этого вопроса. Он улыбнулся своей кривоватой, недоброй улыбкой.

– Она умерла той же ночью, эльф. Она потратила слишком много сил, вытаскивая тебя с того света.

– Я ее не просил, – огрызнулся Хаэлли, сам не понимая, отчего так разозлился.

– Конечно, не просил. Не нужно себя винить и считать обязанным, эльф. Только вот я знал ее много лет, эту женщину, и поверь – она бы сделала то же самое, найдя тебя на дороге, валяющимся в грязи. Ты ведь эльф. Неужели ты этого не понял и не почувствовал?

– Зачем ты мне все это говоришь? – слова упорно застревали где-то в горле, – зачем?!!

– Люди бывают разные, – ухмыльнулся Лерий, – и некоторые из них могут быть куда лучше вас, эльфов. Я просто хочу, чтобы ты знал это. Все, иди.

Эльф повернулся. Миенель-Далли! Так, значит, та магичка умерла из-за него. А какой-то эльф пустил ему в грудь стрелу, промахнувшись лишь немного. Она умерла из-за того, что отдала все силы на исцеление совершенно незнакомого... и даже не человека, эльфа. И кто-то подло, предательски хотел его убить.

– Я остаюсь, – медленно сказал он, оборачиваясь к Лерию, – я оплачу свой долг. Но мне бы хотелось получить назад свои вещи... Те, что остались у Ариаса.

– Это просто, – человек умиротворенно положил подбородок на сцепленные пальцы рук, – я скажу тебе, где то место. Ты сам пойдешь и возьмешь все, что тебе принадлежит.

Глава 3. «Счастливым» день

До Тальи я добралась за три дня. Пешком, стараясь выгадать каждый медный грош из поистине королевского подарка Вилены. Ночуя в придорожных кустах, подскакивая от каждого шороха и стараясь не уходить далеко от главного тракта: я тешила себя надеждой, что в людных местах разбойники шалют не так отчаянно, как на диких лесных дорогах. К тому же, тракт охранялся. Не слишком добросовестно, конечно, но то тут, то там солнце отражалось в сверкающих кирасах королевских гвардейцев.

Утром четвертого дня в облаке так и не осевшей за ночь пыли показались смотровые башни Тальи. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что вокруг городка есть еще и ров, полный ярко-изумрудной воды. Мост, окованный железными полосами, был радушно опущен, по нему скрипели телеги землепашцев, гулко ступали волю, лошади звонко цокали подковами. Перед тем, как нырнуть в арку ворот, приезжие на несколько мгновений задерживались у будки из потемневшего дерева. Тот, кто еще не добрался до таинственной

будки, торопливо рылся в кошельках и карманах. Вот вам и Талья! Нищенствующим туда, похоже, попросту не пускали. Значит, богатенький и тихий городок...

Я зажмурилась. И представила себе, как старый маг берет меня в ученицы, как я тружусь день за днем, создавая уникальные и доселе никем не виданные талисманы, изобретая новые узоры и совмещая в них магические линии, считавшиеся совершенно несовместимыми. Маги начинают съезжаться в Талью только для того, чтобы приобрести мои творения. А потом, потом... Потом слухи о чудесной вышивальщице достигают Вагау, и вот тогда... О, тогда они пожалеют, жестоко пожалеют о том, что выгнали меня из дома. Может быть, к этому времени еще будет жив Мырька, а Вилена по-прежнему будет работать на кухне. Когда прислуга соберется вечером, Мырька скажет – мол, вон какая миледи, а Виленка поддакнет – а я всегда знала, что из нее будет толк, не то, что из леди Марии...

Интересно, а как выглядит хозяин лавки? Я вытащила из кармана визитную карточку, которую мне оставила добрая фея Минерва и, наверное, в сотый раз за прошедшие три дня прочитала: Улли Валески, «Счастливым днем», лавка магических эликсиров, талисманов и прочей утвари.

Наверняка он похож на сестру. Милый такой старикан в потертой бархатной мантии, темно-синей, расшитой золотыми звездами. Может быть, у него длинная седая борода? Или наоборот, бороду он бреет, но отпустил фантастической длины усищи? Ох, Ирбис, Ирбис, ты просто невозможная выдумщица. Ну какой маг в наши дни носит балахоны? Или, еще того хуже, длинную бороду? То было давно, а сейчас все как-то очень просто и обыденно, почти неинтересно. Магия – ремесло, быть магом – вовсе не так уж и почетно, как кажется непосвященным. С магов и спрос больше, чем с простых людей и, как мне кажется, это правильно: если тебе подвластны силы большие, чем прочим, значит и за поступки свои ты будешь судим куда строже.

Задумавшись, я как-то незаметно очутилась у самых ворот, а там и у будки с маленьким оконцем на уровне груди. Оттуда на меня с подозрением воззрелся рыжий и усатый, как таракан, гвардеец. Недобро и выжидающе уставился – а меня вдруг прошиб ледяной пот. За спиной зашикали, мол, парень, плати пошлину и отваливай, все торопятся.

– Сколько? – язык с трудом ворочался во рту, хотя, казалось, для этого не было совершенно никаких причин. Мелькнуло, конечно, опасение, что моих сбережений не хватит на то, чтобы войти в Талью, и это, охр возьми, будет совсем уж глупо: дойти до города и остаться у ворот...

Гвардеец каркнул в ответ, и я с облегчением отсчитала ему медяки.

– Эй, погоди-ка, – вдруг сказал он, таращась на меня из будки, – парень, ты тут в первый раз?

– Да, – кивнула я, – а что?

– Пройди, подожди за воротами, – он ухмыльнулся, провел грязными пальцами по встопорщенным усам, – у нас обязательный учет тех, кто в первый раз в городе.

Я пожала плечами. Хорошо. Учет так учет. Мне-то что? Я здесь собираюсь задержаться надолго и, между прочим, стать выдающейся вышивальщицей.

– Обязательно дождись! – прикрикнул вдогонку гвардеец. Меня уже нетерпеливо подталкивали в спину, желающих попасть в Талью было немало. Я вынырнула из прохладной тени на залитую жарким светом площадку, огляделась. Хм. Подожди за воротами. С какой стороны?

– Оружие на землю, – прозвучал за спиной резкий голос.

А в позвоночник у основания шеи так и впилось что-то острое, холодное. Вот те раз! Вот вам и Талья!

– Оружие на землю! Живо, ну?!!

Я беспомощно завертела головой: да-да, сюда, похоже, согнали весь гарнизон. Сверкали на солнце начищенные кирасы, холодно блестела сталь. К горлу подкатил тошнотворный комок, голова закружилась. И это все – ради меня? Что, охр возьми, происходит?!!

– П-погодите, – выдавила я, – я... не...

– Ор-ружие! – гаркнули в третий раз.

В шею – уже ощутимо – ткнули острием, и я почувствовала как за ворот по спине потекла горячая капля. Нет, все это не может происходить со мной. Или я сошла с ума? Или... может, дурацкий розыгрыш?

Но то, что мне уже пустили кровь, было вполне реальным, не шуточным. Тупой животный страх захлестнул сознание, перед глазами мутилось; казалось, что сверкающие кирасы вот-вот сомкнутся вокруг и сожгут меня дотла. Трясущимися пальцами я кое-как отстегнула ножны, и они тяжело ударились о мостовую.

– Руки за спину, – последовала размеренная, четкая команда.

Вокруг собиралась толпа зевак: те, кто несколько минут назад подталкивал в спину, теперь злорадно глазели на меня и показывали пальцами, потом откуда-то вынырнула молодая женщина в богатом шелковом кафтане. Жарко сверкнули медно-рыжие косы до пояса, рот скривился в беззвучном крике. Она метнулась ко мне, ловко нырнула под руку пытавшегося ее удержать гвардейца. Ее кулаки с силой толкнули меня в грудь, я пошатнулась – но кто ж даст свалиться? Сзади меня уже крепко держали и добросовестно вязали руки.

– Это он, он! – выкрикнула она, – убийца!

Я. Убийца. Охр.

К мельтешению в глазах добавился нездоровый шум в ушах. Кирасы, обратившись в десяток жалящих солнц, сжимали кольцо, мне стало нечем дышать. Рыжую оттаскивали от меня, она все норовила добраться до моего лица белыми скрюченными пальцами, и все вопила, вопила... Под конец ее куда-то уволокли, но вопли я слышала еще долго.

Хватая ртом вязкий воздух, я в последний раз огляделась. Нет, нет. Это чья-то идиотская шутка. Поймаю – убью к охру. Но руки... уже связаны, а меч подбирают и уносят прочь.

– Прочь, – повторила я вслух.

Одна из кирас с устрашающей быстротой придвинулась. Хак! И, согнувшись пополам, я поняла, что теперь уже точно не могу дышать.

– В казематы его, – донеслось откуда-то издалека, – оповестите его светлость, что мы взяли убийцу Валески.

– Я... не... – прохрипела я, с трудом разгибаясь, – я не убивала!

– Заткнись, ублюдок, – посоветовали мне снисходительно, – виселица тебе уже готова.

Это не я. Это просто не могу быть я. С разбитыми губами, заплывшим глазом и болью во всем теле. Веки поднимаются с трудом, мир вокруг видится сквозь мутные щелки – да и видеть там, в общем-то, нечего. Темная конура, в которой смердит так, что и дышать не хочется. Холод. Боль. Крошечное оконце, забранное решеткой, сквозь которое проникает трепещущий и ржавый свет факела. Каждый вдох дается с режущей болью, наверное, пару ребер точно сломали. По-моему, они даже не разобрались, что схватили девицу. Отлупили от души да швырнули в этот вонючий каменный мешок, мол, жди-пожди, виселица готова...

Лежа на боку, я пыталась привести в порядок мысли, которые разбегались как овцы при виде волков. Что произошло-то? Я пришла в Талью, и во мне сразу же признали человека, убившего брата Минервы. Но ведь это невозможно, потому что я три дня брела по тракту, а до этого ехала на поезде в Изброн. Охровщина какая-то творится. Кому могло понадобиться так меня подставлять? У Валески были могущественные враги? А может быть, даже маги, которым оказалось под силу повернуть такой трюк с ложной личиной? Н-да. Но ведь не могли они, никогда меня не увидев, использовать мой облик?!!

Голова раскалывалась от острой, пульсирующей в висках боли. Здорово они меня. Страшно даже представить, что было бы, определи доблестные гвардейцы мою принадлежность к прекрасному полу. Одно дело отлупить щуплого паренька, и совсем другое – позабавиться с девчонкой. Но что же теперь делать?

Лежа в темноте, очень легко представить себе виселицу. Огромную, обитую снизу черной тканью, с неряшливой петлей, переброшенной через перекладину. Она разрастается, это такое деревянное и бездушное чудовище, она дышит страхом, она может проглотить остатки здравого рассудка. Хайо, я не хочу умирать. Я не готова, ведь все только-только начинается. Почему удача отвернулась от меня? И кто подстроил эту ловушку?

Внезапно мне пришло в голову, что если я честно расскажу, кто такая и зачем пришла в Талью... Может быть, тогда они сообразят, что не все так просто, и что кто-то воспользовался моей внешностью? Кто-то из тех, с кем мне доводилось встречаться раньше?! Мысль показалась мне настолько хорошей, что я, кряхтя, поднялась, встала сперва на четвереньки, а затем, держась за осклизлые стены, выпрямилась в полный рост. По ребрам вновь прокатилась волна боли, я закашлялась, мысленно пожелав всяческих благ тому добряку, который лупил меня сапогами. С трудом переставляя ноги и шипя на каждом шагу, я добралась до ржавой двери и приникла к оконцу, жадно вдыхая затхлый, но хотя бы не такой вонючий воздух.

Как и следовало предположить, окошко выходило в узкий коридор. Я сумела разглядеть только горящий и чадящий факел на противоположной стене.

– Эй! – вместо крика получился хрип. Я откашлялась, постояла несколько минут, прислонившись лбом к влажной шершавой решетке. – Э-эй, кто-нибудь!

За дверью что-то забряцало, звякнуло – и в область видимости неторопливо, словно золотая рыбка в аквариуме, вплыл доблестный страж. Седоватый мужчина с желчным и морщинистым лицом, непрестанно двигающий губами, как будто что-то пережевывал.

– Тебе чего?

Я вцепилась пальцами в решетку.

– Послушайте, милейший, мне нужно поговорить с кем-нибудь... например, с начальником гарнизона... или с кем-нибудь еще повыше.

Моя речь, кажется, не впечатлила солдата: он хмуро покачал головой и преспокойно удалился.

– Эй! – прокаркала я, – да вы тут все с ума... посходили! Я никогда – слышите – никогда не была здесь раньше! Хайо, да я этого... Валески... в глаза не видела! Мне его сестра дала адрес, потому что меня выгнали из клана магов холода! Я думала наняться к нему на работу, я шла в Талью три дня... И вот, пришла...

Не удержавшись, я всхлипнула и уткнулась лбом в прутья решетки. Кто меня услышит? Кто сжалится? Никто.

– Пожалуйста, – прошептала я, – позовите начальника гарнизона. Хайо покарает вас, если вы отправите на виселицу ни в чем не повинную девицу из хорошей семьи...

– Так ты что, девка? – наконец отреагировал гвардеец, – вот те раз. Охровщина какая-то, а на вид – вылитый парень. Девицы в штанах не бегают. Ты, часом, не оборотень какой?

Я не стала уточнять, что в интернате все боевые маги – даже женщины – ходят исключительно в штанах. В королевстве Веранту женщинам не принято переодеваться в мужчин.

– Да при чем тут оборотень?! Хайо, я же говорю, что я из клана магов холода, меня выгнали...

– Кто ж такую держать будет, – глубокомысленно заметил он, – так что, у тебя есть, что сказать старшому?

– Да. Да! – простонала я, – Хайо да благословит тебя, добрый человек, мне очень, очень надо поговорить с кем-то...

Мужчина стоял, раздумывая. Затем, смерив меня холодным взглядом, покачал головой.

– Позвать-то я могу, только толку? Все равно на рассвете вздернут.

– Да не убивала я никого! – взорвалась я и тут же зашипела сквозь зубы. Орать в моем состоянии – это чистой воды самоубийство.

– Хорошо, – не переставая что-то жевать, «добрый человек» кивнул, – я доложу начальнику гарнизона, что ты имеешь что-то сказать. А ты правда из клана магов? Из настоящего клана?

– Моя семья живет в Изброне, – мрачно заверила я сквозь решетку, – семья Валле. Можете так и передать вашему начальнику. Наша фамилия занесена в большую книгу кланов как одна из старейших фамилий Вагау.

Вряд ли он все понял из моей тирады, но мне было плевать. Главное, что он куда-то ушел, громко топая тяжелыми сапогами. Примерно через час я была готова запрыгать от радости: в замке заскрежетал ключ, и на пороге моей темницы появился субъект в нарядном обмундировании. Знакомый уже гвардеец нес за ним стул и факел. Последний отправился в ржавую подставку, ввинченную в стену.

...На закате очередь перед воротами Тальи изрядно поредела. Топталась компания молчаливых гномов-путейцев, одетых в кожаные шишковатые робы, делающие их похожими на диковинных ящеров с длинными бородами. За ними пристроился старик с осликом на поводу. Две огромные сумки, перекинутые через спину маленького ушастого создания, были набиты глиняной посудой. И старик, и ослик задумчиво глазели на малиновый шар солнца. Последними подтянулись два путешественника в запылившихся плащах и одинаковых широкополых шляпах. Оба были высоки, но если неестественная худоба первого так и бросалась в глаза, то второй шириной плеч превосходил даже гномов. Путешественники эти молча стояли чуть в стороне от старика с осликом, тощий время от времени поправлял поля шляпы, словно очень хотел остаться неузнанным. Черная, начавшая отрастать борода скрывала и щеки, и подбородок. Здоровяк поднял ворот плаща до самых глаз и зашнуровал его, скрыв всю нижнюю часть лица.

Они стояли тихо, наблюдая за гномами, и тощий изредка что-то говорил товарищу. Последний предпочитал отмалчиваться, да и вообще стоял совершенно неподвижно.

Потом, когда и гномы, и старичок с товаром исчезли за воротами, тощий негромко скомандовал:

– Идем, Роф, – и решительно двинулся вперед, подавая пример.

Здоровяк несколько раз шевельнул плечами, как будто разминаясь, и неторопливо двинулся следом за ним.

У будки оба остановились. Тощий выудил из кошелька на поясе полновесный серебряный форинт и аккуратно положил его в оловянную миску сразу за грубо вырезанным оконцем. Оттуда монета почти мгновенно перекечевала в руку гвардейца. Еще бы! Медяков в миске было полным-полно, а вот форинт был первым за день, и не только за день, а вообще за целую седмицу.

– Кто такие будете? – скорее ради порядка поинтересовался гвардеец, любясь блестящей монеткой, – зачем в Талью идете?

– Мы путешественники, – глухо ответил тощий. Здоровяк безмолвствовал, возвышаясь за его спиной как гора, – хотим посмотреть город. Ведь это не запрещено? У нас достаточно денег.

– Вижу, что достаточно. Ну, идите, идите, господа хорошие. Вряд ли вас Талья чем удивит...

– Может, посоветуешь, любезный, где остановиться на ночлег? – мягко поинтересовался мужчина.

– Если только поесть и поспать, то «Орочья лапа», а если девок хотите, то «Алая хризантема», – отчеканил, как по заученному, гвардеец, – и это, господа... Лица в Талье прятать не принято. Этот твой дружок задрапировался по самые глаза, с чего бы?

Тощий оглянулся на своего молчаливого друга, затем наклонился к самому окошку и свистящим шепотом пояснил:

– Он воевал с Орикартом... Ну, понимаешь ли, зеленые ему сильно лицо порезали, когда он в плен попал.

– А-а-а, – уважительно протянул гвардеец, – ну, проходите, проходите. «Орочья лапа» – хорошее место.

Они пошли дальше, два изнуренных дорогой путника. Время от времени тощий замедлял шаг, осматриваясь по сторонам и как будто припоминая нечто важное; его товарищ тяжело и безмолвно топал следом.

Улицы Тальи стремительно пустели. Сгущались сумерки. Тени домов, деревьев исчезали, растворяясь в сизой дымке, и где-то неподалеку надрывно выла собака. Дневной зной сменился душноватой прохладой, пыль, взбитая тысячами ног, висела в воздухе, скрипела на зубах.

– Как славно, что я раздобыл плащи, – задумчиво пробормотал себе под нос тощий, – Роф, он-то ведет себя умницей, но видок у него еще тот. Да, Роф, дружище?

Ответом ему послужило урчание, куда более подходящее для большого пса, чем для человека.

– Ну, ничего. Еще побудешь у меня, и отпущу тебя к хозяину. Домой хочешь, а, Роф?

Верзила промолчал.

Тем временем они достигли места, где широкая улица разделялась на две. Первое ответвление по-прежнему вело к базарной площади Тальи, а второе, закладывая петлю и, огибая неуклюжий дом полукруглой формы, исчезало в потемках. Туда-то и свернули путешественники. Собачий вой, казалось, преследовал их по пятам. Еще некоторое время они продвигались вперед по узкой и темной улочке; верхние этажи домов выдавались вперед, закрывая темное небо, где-то неподалеку пищал младенец. Потом тощий остановился перед двухэтажным, тщательно беленым домом, над дверью которого была прибита вывеска «Счастливого дня. Магические эликсиры, талисманы и прочая утварь». Он вздрогнул, увидев на дверном молотке черную ленту, бросил осторожный взгляд на Рофа – но тот, похоже, в упор не замечал знака беды. Затем тощий взял молоток и несколько раз постучал; его встревоженный взгляд прилип к траурной ленте, щека нервно подергивалась.

– Кто там? – прозвучал из-за двери хриплый женский голос.

– Это я, Шерхем, – негромко отозвался тощий.

Глухо вскрикнув, женщина торопливо загремела замком; не с первого раза попав ключом в замочную скважину, она распахнула дверь навстречу гостю и бросилась ему на шею.

- Шер! Ты... Хайо, ты живой! А я слышала...

И она разрыдалась, уткнувшись носом в пыльный плащ путешественника. Медно-рыжие локоны рассыпались по гладким и по-женски мягким плечам.

- Ну, ну, не надо, - Шерхем осторожно погладил ее по спине, - у меня дело к Улли.

Женщина сжалась в комок, ее пальцы судорожно сжались, комкая ткань плаща.

- Нет больше... Улли...

- Идем внутрь, - резко скомандовал тот, кого называли Шером, - быстро. Роф, за мной.

Лавка «Счастливый день» процветала. Человек или маг, решившие приобрести наделенный магией предмет, сразу оказывались в просторной комнате с высоким потолком. Потемневший прилавок манил пестрым обилием товара. Талисман, отпугивающий тараканов от вашего жилища? Пожалуйста, вот он, лоскут ткани размером с детскую ладошку, на котором вышито нужное заклинание. А может быть, вам изрядно досадили шумные соседи? Извольте, эликсир тишины. Несколько капель на порог, на подоконники, и можно три дня наслаждаться хрустальной тишиной гор в вашем городском доме...

Здесь не было ни одной свободной полки на стеллажах; здесь можно было разжиться практически любым видом магии. Талисманы для разведения огня на сырых дровах, эликсир стройности, зелья от комаров, клопов и прочей живности, ловцы снов, разложенные строго в соответствии со специализацией. Одним словом, счастливый день для тех, кто привык прибегать к помощи магии.

У порога Шерхем задержался, оглядывая все это магическое изобилие. Затем, следуя за женщиной, подошел к прилавку, легко скользнул подушечками пальцев по разложенному товару. Черные глаза сделались совершенно

непроницаемыми и злыми, он хотел было сказать что-то, но промолчал. Только снял широкополую шляпу и механически провел ладонью по колкому ежику начавших отрастать волос.

Из лавки во внутреннюю часть дома вела низенькая дверь за прилавком, и Шерхем направился к ней.

- Как это произошло, Наллис?

Она старательно запирала входную дверь, опасливо косясь на спутника Шерхема. Затем, выпрямившись, отбросила со лба медно-рыжую прядь, кивнула в сторону здоровяка.

- Шер, это то, о чем я думаю?

- Это Роф, - Шерхем пожал плечами, - он совершенно безвредный, ты же знаешь.

- Ну так вот пусть этот безвредный постоит у порога, - сварливо отозвалась Наллис, - еще такой гадости у нас в лавке не было.

- Как скажешь, - он сделал знак Рофу, и тот, было двинувшийся вперед, послушно остановился и вернулся к месту у двери, - а теперь я услышу о том, что случилось с Улли?

- Разумеется, - холодно сказала Наллис, - но что-то по тебе не видно, чтобы ты о нем особенно печалился.

- А разве я должен? - Шерхем прислонился к стене, дожидаясь Наллис, - Улли не был мне другом. К тому же, это ты должна скорбеть. Разве ты не его сестра?

- За эти годы, что он жил в Талье, я научилась его ненавидеть, - пробормотала она, опуская глаза, - прости, но в этом вся правда.

...Потом они сидели на кухне, и Шерхем большими глотками пил обжигающий чай, а Наллис говорила, говорила... Как только она умолкла, Шерхем отставил чашку.

- Странно, почему он и тебя не убил, - задумчиво пробормотал он, - если видел.

- Ну, знаешь ли, мне и этого довольно, - она отодвинула волосы; на скуле багровел кровоподтек, - я так и думала, что уже не очнусь. А на вид такой хлипкий паренек... Рожица смазливая, как у девчонки. И потом, Шер, он вернулся вдруг сегодня утром. Может, хотел довести дело до конца.

- Вернулся? - Шерхем подобрался на стуле, пальцы нервно забегали по столешнице, - где его видели?

- У городских ворот видели, - проворчала Наллис, - но люди опознали его. Он теперь в крепости, в подземелье. Поутру должны повесить.

- Он бы просто так не дался, - задумчиво проговорил Шерхем, - ты ничего не путаешь?

- Да это точно он. Он! - последнее слово она почти выкрикнула. Затем поднялась со стула и суетливо начала подливать гостю чай. Руки дрожали, и глиняная крышка чайника противно дребезжала.

- Так, - сказал Шерхем, поднимаясь, - примерно ясно. Скажи-ка, милая Наллис... А где здесь кладбище?

Охнув, женщина осела на стул. Ее лицо побелело так, что стали видны редкие веснушки.

- Ты... - прошипела она, - ты... этого не сделаешь.

Шерхем пожал худыми плечами.

- А тебе, Наллис, до полудня не советую выходить из дому. Так, на всякий случай.

Она с силой провела пальцами по лбу, мрачно уставилась на него.

– Я только одного не понимаю, как это тебе удастся. Ты же не некромант! А создатели талисманов магию мертвых воплощать не умеют, это всем известно.

– Ну, есть вещи, о которых женщинам знать вовсе необязательно, – Шерхем усмехнулся, – так где оно, кладбище?

...Свет факела показался невыносимо ярким, так что в первые мгновения я почти ослепла и зажмурилась. В душе мелкой букашкой копошилась надежда: вот он, мой шанс! Я смогу, обязательно смогу убедить вновь прибывшего в своей невинности, иначе и быть не может. Но для того, чтобы кого-то в чем-то убеждать, надо выглядеть уверенно, а у меня – ох-хо-хох – слишком болели ребра, и прочие места, по которым прошлись сапожищами. Поэтому видок был еще тот – как у грязного, облезлого, подобранного на помойке кошака.

Щурясь, я оглядела начальника гарнизона: солидный такой мужчина, упитанный, но не жирный. К тому же, совсем не старый – смоляная бородка клинышком, гладко зачесанные назад волосы. Огромный и пышный, как торт, кружевной воротник. Только вот лицо его мне совсем не понравилось, на нем как будто застыло выражение этакой слащавой снисходительности, из-за которого совершенно не поймешь, о чем по-настоящему думает этот субъект.

Наверное, мне следовало бы подняться на ноги. Я так и поступила, придерживаясь за мерзкую наощупь стену. И тогда мой потенциальный спаситель изволил заговорить. Голос, кстати, у него тоже оказался чересчур сладким и приятным, как будто в чашку чая сыпанули стакан сахара.

– Гийом сказал, ты хотел сообщить что-то важное, – сказал он, – ну так говори, у меня не много времени на болтовню.

– Ваше... ээ... – я с ужасом поняла, что не знаю, как величать мою единственную надежду, замялась, а потом решила не мелочиться, – ваша светлость, вы рискуете повесить невинную!

– И это все? – он приподнял холеную бровь, – я это почти каждый день слышу...

– Нет-нет, не все, – у меня сердце как будто в прорубь упало, когда я увидела что этот субъект приподнялся со стула, – умоляю вас, послушайте! Я Ирбис Валле из семьи Валле, что в долине Вагау, и даже если вы мне не поверите, то я, как маг клана холода, имею право на суд и следствие магов!

– Валле, Валле... Да, припоминаю, – теперь он нахмурился, и голос утратил прежнюю слащавость, сделавшись холодным и острым как бритва, – так ты утверждаешь, что из клана магов холода? Это могут подтвердить? Если действительно все так, как ты говоришь, то виселица, пожалуй, останется пока что не востребованной. Скажи, кто-нибудь может подтвердить, что ты из клана холода?

– Любой маг-прознатчик, – я пожала плечами, – или пошлите гонца в Вагау. Семья Валле живет под Изброном, мой отец – Морис Валле. Да и... Ваша светлость, я не убивала. Никого. Сегодня первая ночь, которую я провожу в Талье...

– Погоди-ка, – моя «надежда» откашлялся в кулак, – ты что, девица?

– Угу, – я уже привыкла не удивляться.

– И что тогда означает весь этот... богомерзкий маскарад?

– Ваша светлость, вам ли не знать, что одинокой девушке нынче опасно разъезжать по дорогам?

Он кисло улыбнулся, а затем, подумав о чем-то, пробурчал:

– Девица из семьи Валле и не должна разъезжать в одиночестве. Сам не понимаю, почему должен слушать все эти рассказы...

И он поднялся, собираясь уходить. Моя последняя надежда на спасение таяла как туман пополудни, уплывала, как сорвавшаяся с крючка рыба... И я, преодолевая режущую боль в груди, метнулась к нему и вцепилась в бархатный рукав. В шею кольнуло острие меча – а ну, на место, отойди! – но я и не думала сдаваться. В конце концов, если меня швырнут на место, в вонючий угол камеры, это будет означать одно: смерть на виселице. И, давясь слезами, я принялась

умолять «его светлость» не торопиться. Да, я призналась в том, что меня вышибли из клана. В том, что, охр побери, это случилось из-за моего никчемного дара вышивальщицы. Но я же все равно маг! И, следовательно, судить меня тоже должны с участием магов, я ведь очень хорошо знала этот пункт недавней буллы королевского магистра!

Он хмыкнул и методично, один за другим, разжал мои пальцы.

– Вышивальщица, говоришь? А не лжешь ли ты, чтобы спасти свою шкуру?

– Ваш... светлость, – я окончательно раскисла, захлюпала носом, – я могу... доказать... Охр возьми, вы же знаете, что у меня в сумке было! Если только ее не сперли ваши...

– Не смей возводить напраслину на гвардейцев его величества!

Начальник гарнизона возвышался надо мной как смотровая башня Оссена, и в его темных глазах зловещими огоньками отражался свет факела. У меня, кажется, начиналась самая обычная женская истерика; я плакала навзрыд и не могла остановиться, пыталась вытереть слезы, но, похоже, только размазывала их по грязным щекам.

– Э-э, Гийом, – наконец протянул «его светлость», – отведи эту особу в мои покои. Я лично буду ее допрашивать.

Челюсти Гийома дрогнули и снова задвигались, перемалывая неведомый мне продукт.

– Руки вязать? – деловито осведомился он у глубоко задумавшегося командира.

– А? Что? Нет, конечно же, нет, – «его светлость» развернулся на каблуках и вышел вон.

Гийом оказался на диво добродушным субъектом, и за те полчаса, которые заняла дорога к покоям «его светлости», мне была прочитана не только краткая

лекция по истории города Тальи, но и пересказаны примерные биографии покойного Улли Валески и начальника гарнизона. Болтовню стареющего солдата можно было свести к следующему: Талья относился к числу тех замечательных городов, о которых мало кто знал в столице, Улли Валески прожил здесь несколько лет и успел снискать всеобщее уважение своими замечательными магическими товарами, а начальник гарнизона Лерий Аугустус был человеком весьма могущественным, но при этом ухитрился обзавестись не менее могущественными врагами. Один из этих врагов погиб недавно при очень странных обстоятельствах. Кто-то проник в его замок, перерезал половину прислуги, а затем добрался и до самого господина Ариаса. Ну, и лекарь его личный тоже не уцелел... А что самое страшное, так это то, что убийца еще и изуродовал трупы. Бр-р-р-р, страх и ужас. Да, кстати. У Валески в самом деле есть незамужняя сестра, Наллис, которая – будь на то ее воля – уже давно стала бы замужней. Богатые невесты нынче редкость. Сколько Наллис лет? Ну-у, об этом не принято спрашивать у женщин, но вроде как едва четвертый десяток разменяла. Так сказал Гийом. А я уже ничему не удивлялась, вспоминая добрую Минерву, которая оказалась совсем не той, за кого себя выдавала.

...К середине монолога Гийом вывел меня из вырубленной в скальной породе норы на крепостную стену. Оттуда нам предстояло спуститься во двор крепости, а затем подняться в центровую башню, где барон Лерий Аугустус, исключительно благодаря собственным талантам, смог обустроить себе покои «не хуже королевских». Здесь я невольно замедлила шаг: город в невесомой паутине лунного света лежал под стенами крепости как на ладони. Ярко блестел вытянутый конус местной церквушки, кое-где золотились оконца в домах. А чуть дальше, за стенами города, луна отражалась в черном зеркале небольшого, вытянутого как сарделька озере. Я вдохнула полной грудью ночной воздух, покосилась на Гийома – тот терпеливо меня дожидался, прекрасно понимая, что означает желание Лерия «допросить лично в собственных покоях». Скорее всего, я была далеко не первым преступником, с которым барон решил поговорить по душам в комфортной обстановке; у могущественных людей всегда есть какие-нибудь причуды, правда ведь? И Гийом спокойно ждал, пока я налюбуюсь на спящий город, за стенами которого плыла, переплетаясь с прядями лунного света, ночь.

А еще... Я поморгала, сомневаясь. Что-то отсвечивало зеленью под стенами церкви, зеленью гнилостной, нездоровой.

– Что там? – спросила я у Гийома.

Он лишь беспечно махнул рукой. Ну что может быть рядом с храмом Хайо? Конечно же, маленькое городское кладбище, самый обычный погост с покосившимися старинными надгробиями и невероятно колючей малиной, которую сколько ни руби, никак не изведешь.

Я обхватила себя за плечи руками: отчего-то стало тревожно, как будто в спящем городке зрело что-то страшное, чужое... Готовое прорваться наружу как гнойный нарыв.

– Пойдемте, леди, – насмешливо пропыхтел Гийом, – господин барон не любит долго ожидать.

Я молча потопала следом. Честно говоря, меня уже мало занимало то, что мне собирался предложить барон Аугустус: ощущение опасности не отпускало, липло к телу как паутина. Покой Тальи оказался фальшивым как золотой форинт в руках балаганного фокусника... Охр. Надо будет обязательно сказать Лерию о том, что погост, скорее всего, неспокоен. Я как-то болтала с некромантом, которого дорогие папочка и мамочка отправили в интернат, так он говорил, что однажды присутствовал при «разупокоении» кладбища. Светилось оно при этом гадко, так, что даже смотреть было больно – но не из-за того, что сияло чересчур ярко, а из-за чуждости света человеческому глазу.

Гийом остановился перед двустворчатыми дверями, по обе стороны от которых на часах стояли солдаты. Даже не дремали, не смотря на поздний час, а вытянулись стрункой, вцепившись в устрашающего вида алебарды – тут я мимоходом подумала, что барон Аугустус изрядно муштрует подчиненных. В Оссене часовые дремали даже днем, не говоря уж о глубокой и глухой ночи. Мой провожатый гаденько ухмыльнулся.

– Диил, открывай. Вот, на допрос веду, – и он кивнул в мою сторону, гаденько при этом ухмыльнувшись.

– Да ну? – правый часовой ожил, мгновенно превратившись из подобия статуи в человека. Окинул меня возмутительно наглым взглядом. – Мальчиков давненько не было!

И хихикнул, зараза этакая. А я почувствовала, как в темноте полыхают мои щеки. Мальчиков, видите ли, давненько не было! Ах, чтоб вас...

– Это девица из благородного рода Валле, – невозмутимо пояснил Гийом, – нечего зубы скалить.

В округлившихся глазах обоих часовых мелькнуло замешательство. Ну да, да, знаю. Не сомневаюсь, что дни свои окончу в каком-нибудь удаленном монастыре Хайо. Если, конечно, сумею выпутаться из этой передраги, и меня не повесят.

...В личные покои Лерия Аугустуса вела длинная и темная винтовая лестница. Меня снова начал бить озноб, проснулась утихшая было тупая боль в груди. Гийом нес факел, ломаные тени беспорядочно скакали по стенам, срывая чернильные покровы со старых, очень старых камней. Дыхание сбивалось, лестнице не было ни конца ни края, и я начала отставать. Тогда случилось совершенно неожиданное: Гийом остановился и подал мне руку, причем сделал он это так же невозмутимо, как за пять минут до этого побеседовал с часовым.

– С-спасибо, – я быстро облизнула пересохшие губы, а потом вцепилась в мозолистую ладонь солдата.

Это было новое, ни с чем не сравнимое ощущение. В интернате не принято вытягивать кого-то: если ты начинаешь тонуть, то все сделают вид, как будто тебя уже нет. Маг холода, Морис Валле, никогда не подавал мне руки, за него это всегда делала нянечка. Моя матушка предпочитала взирать со стороны на свое неудавшееся чадо.

– Эх, ты, – добродушно сказал Гийом, – тебе бы дома сидеть с шитьем. А тебя охровы твари понесли приключений искать...

Больше он не говорил: высоко подняв над головой факел, энергично тащил меня наверх. А я молча смотрела на него, и пегие немытые лохмы, торчащие из-под несуряного шишака, уже не казались мне гадкими.

К сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Лестница уперлась в площадку, я наконец получила возможность отдышаться, а Гийом, совершенно не желавший слушать хриплые охи-вздохи, попросту втолкнул меня в низкую и узенькую дверцу, крикнув при этом «арестованная к вам, господин барон». Я даже возмутиться не успела. Наверное, старому солдату просто надоело со мной возиться.

– Проходите, леди Валле, не нужно ложной скромности, – раздался из полумрака голос Лерия Аугустуса.

Слова о том, что начальник гарнизона обустроил себе покои ничуть не хуже королевских, оказались чистой правдой: в багровом мерцании камина я разглядела великолепные фрески на стенах, причудливую лепнину потолка, дубовый письменный стол и стул, покрытые столь искусной резьбой, что я даже усомнилась – а не дело ли это рук магов-древесников? Хозяин этого великолепия восседал в углу, в огромном кресле, вытянув ноги и положив их на низкую скамеечку. Он устроился как раз за камином, так что я могла хорошо разглядеть только начищенный носок сапога и легкий блеск хрустального графина чуть дальше. Лицо барона тонуло в потемках.

Я осторожно шагнула вперед и остановилась прямо перед камином. Теперь мне отчетливо стал виден изящный графин, наполовину наполненный темно-бордовым вином, и столик явно эльфийской работы. Лерий хмыкнул.

– Ближе, ближе, леди Валле, я не кусаюсь. Вот ваш стул, – и он действительно указал мне на свободный стул в двух шагах от пышущего жаром камина, – садитесь, нам есть о чем поговорить. Ну, право же, не смущайтесь вы так, я все-таки барон, а вы все-таки женщина из хорошей семьи.

– Спасибо, – буркнула я и медленно, стараясь не растревожить помятые ребра, опустилась на обитое бархатом сиденье.

Стул оказался удобным, от камина шел жар – все это было невыразимо приятно после казематов. Тепло окутало меня невесомым одеялом, приласкало и начало терпеливо баюкать. Несколько минут прошло в полной тишине; Лерий молча изучал мое лицо, прекрасно освещенное огнем. Затем скрипнуло его кресло, нежно пропел хрусталь, и прямо у меня перед носом появился высокий стакан, полный вина.

– Возьмите, – кажется, в голосе Аугустуса появилось вполне искреннее сочувствие. Удивительно просто, сколько разных голосов было у этого человека!

Я механически взяла стакан, но, одумавшись, подняла на Лерия виноватый взгляд. Его лицо по-прежнему оставалось с тени, но зато в свете камина чудно играл бриллиант-капля в мочке баронского уха.

– Ваша светлость... А еды у вас, случайно, нет?

Мои щеки полыхали – но это, конечно же, от близости огня. Лерий замялся на мгновение, а затем добродушно рассмеялся.

– Хайо! Ну конечно же... Я упустил из виду, что вы ничего не ели все это время. Ну, вы можете освежить себя этим прекрасным вином из моих собственных погребов, а я тем временем распорядюсь на предмет позднего ужина. Договорились?

Я кивнула. И сделала маленький глоточек из стакана. Охр, что же дальше будет, а? Пить на голодный желудок?

Лерий шустро переместился в угол кабинета, подергал за шнур – и мне показалось, что где-то далеко настойчиво зазвенел колокольчик. Затем он уселся в свое кресло, наполнил свой стакан.

– Итак, леди Валле, теперь я готов выслушать еще раз вашу историю, начиная с того момента, как вас попросили из клана магов холода. Почему это произошло?

Я вздохнула. Охр, придется пересказывать заново.

– Меня изгнали из клана потому, что я родилась с другим магическим даром. Я не маг холода, я маг-вышивальщик. Смешно звучит, да? Я буду всю жизнь вышивать магические талисманы, чтобы другие пользовались моей магией.

– Звучит недурственно, – заметил Лерий, – это не должно вас печалить, леди Валле.

– Еще как должно, ваша светлость. Меня выгнали из дома с совершенно пустыми карманами. А до этого я встретила милую старушку, которая представилась сестрой Улли Валески...

– Никогда не слышал, чтобы у Валески была старшая сестра, – перебил меня барон, – я знаю только Наллис, и она, хвала Хайо, еще совсем не старушка.

– Так вот, – от нескольких глотков вина я немного осмелела, – старушка мне дала визитную карточку Улли Валески и сказала, что он обязательно возьмет меня в помощницы, потому что сам старик, и ему тяжело делать талисманы на продажу.

Барон ничего не сказал, просто кашлянул.

– И я шла в Талью в надежде устроиться помощницей в лавку «Счастливым день», – понуро закончила я.

Лерий молчал. Потом залпом опустошил свой стакан и со стуком поставил его на столик.

– Интересная история, – сказал он наконец, – и я даже склонен ей поверить. Вас могли с кем-то перепутать, в конце концов... Но вас узнала сестра Улли, и она утверждает, что именно вы явились три дня назад в лавку Валески и выпустили Улли внутренности «мечом, словно выросшим из руки»...

– Но для чего мне убивать Улли Валески? – я поняла, что еще немного, и расплачусь, – все, что я о нем знала, так это то, что у него есть лавка «Счастливым день», что он очень стар и ищет помощника!

– Любопытная старушка вам попалась, – констатировал Лерий, – не стоит верить каждой пожилой леди из тех, что встречаются у вас на пути...

Он хотел еще что-то добавить, но тут звякнул колокольчик уже в кабинете, что-то заскрипело в другом углу – барон поднялся и двинулся на звук. Прошла минута, и комната наполнилась густым, плотным запахом только что приготовленной пищи. Лерий аккуратно водрузил поднос прямо на письменный стол и отвесил мне шуточный поклон.

– Прошу вас, леди Валле, ужин подан. Позвольте за вами поухаживать... Да-да, я очень галантный кавалер.

И я была благодарна ему за то, что он пододвинул к столу тяжеленный дубовый стул. За то, что элегантно подливал мне вина. За то, что меня накормил. Отварная телятина таяла во рту, мелкие кочанчики капусты выглядели как

вскрытые лаком игрушки, грибной суп оказался нежным как суфле. В общем, к концу трапезы Лерий Аугустус стал для меня едва ли не самым близким другом во всем королевстве.

– Бедная малышка, – негромко пробормотал он, – я не знаю, что с вами делать. Со слов Наллис, вас следовало бы повесить через два часа...

– Что?.. – ужин подпрыгнул и перевернулся в желудке так резво, что мне пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть.

– Со слов Наллис, вы убили Улли Валески, – безжалостно подтвердил барон, – ей поверят все. Вам – увы, никто.

– Но... – мяукнула я.

– Но у меня есть к вам одно деловое предложение, леди Валле.

Я промолчала. В груди ледяным шариком катался страх. Лерий обошел меня со спины, наклонился к уху.

– Я перевезу вас в свое имение за городом, – тихо сказал он, щекоча мне дыханием шею, – я смогу все устроить так, что ни у кого не возникнет никаких вопросов. Но за это вы, милочка, должны будете вышить мне один талисманчик. И потом...

– Что потом? – просипела я.

– Потом вы будете вольны отправиться на все четыре стороны, – помурлыкал барон Аугустус, – что вы думаете об этом, леди Валле?

– Разве у меня есть выбор? – я вздрогнула, когда горячие пальцы барона коснулись моей щеки.

– Выбор всегда есть, леди Валле, – серьезно сказал Лерий, – вы можете выбрать виселицу.

– Я маг, и судить меня будут тоже маги.

– Вас повесят, моя красавица. А потом бургомистр принесет извинения вашему клану. Мол, извините, так получилось, мы же не знали, а она нам ничего не сказала...

Я зажмурилась. Охр, и что тут раздумывать? Барон Аугустус, конечно, не прост, ой не прост... Но мне-то нужно так мало – чтобы меня отпустили.

– Я вышью вам талисман, ваша светлость, – сказать это оказалось трудно, как будто губы и язык замерзли, превратились в ледышки.

– Любой талисман? – уточнил Лерий, все еще стоя за моей спиной.

– На что хватит знаний, ваша светлость.

– Вам придется изрядно потрудиться, леди Валле. Будем считать, что мы только что заключили взаимовыгодную сделку.

– Угу, – я кивнула.

Лерий обошел меня еще раз и остановился, глядя на огонь. Теперь я смогла рассмотреть его лицо куда лучше – оно оказалось холеным, красивым и очень жестоким.

А затем он откуда-то извлек обезболивающее зелье, капнул несколько рубиновых капелек в вино и мягко попросил меня это выпить. «Ах, леди Валле, не беспокойтесь, я не собираюсь вас травить. Мы же заключили сделку, верно?»

... – Тогда вставайте, пора идти, – скомандовал Лерий Аугустус через минуту после того, как получил мое согласие. Мне оставалось только вяло завидовать его бодрости: я обмякла на своем месте и, судя по медленному и плавному течению мыслей в голове, изрядно захмелела. Вот ведь обидно: барон выпил никак не меньше, а свеж и энергичен как выпущенный на луг жеребчик. Ик. А я – все равно что расплывшаяся по стулу медуза. Ну, или заливное, которое вывалили из тарелки и оставили лежать в опасной близости к камину.

– Куда? – отреагировала я запоздало.

Лерий нервно передернул плечами, рассматривая меня и, видимо, сомневаясь в полезности пьяно икающего существа. Но сделку мы заключили, так что деваться ему было пока что некуда. Титул барона обязывал изредка вспоминать о чести благородного человека, ничего не поделаешь.

– Вы, леди, в самом деле маг-вышивальщик? – все-таки уточнил он.

Я гордо вздернула подбородок и, протыкая указательным пальцем воздух, весоמו произнесла:

– Я не только маг-вышивальщик! Я собираюсь стать... ик... самым известным и уважаемым магом-вышивальщиком. И тогда моя ненаглядная семейка... ик... еще пожалеет о том, что выставила из дому.

Ни охра было не понять в блестящих черных глазах Лерия Аугустуса, но в тот миг мне померещилось промелькнувшее верткой рыбкой сочувствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/klimenko_anna/morf

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)